

Маша Ловыгина

Шишимора

«Литнет»

2025

Ловыгина М.

Шишимора / М. Ловыгина — «Литнет», 2025

После скандала с мужем-изменником Аглая вместе с сыном уезжает к подруге в Вологодскую область. Старая дворянская усадьба становится для нее убежищем, но у этого места есть свои мистические тайны. Аглая всегда старалась мыслить рационально, но как тут не поверить в потустороннее? Она не только чувствует чье-то присутствие, но и неожиданно получает его покровительство. Вот только чем придется заплатить за такую помощь? Обложка от Ларисы Шубниковой♥#

© Ловыгина М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	46
Глава 12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Пролог

Книга является художественным произведением.

Все имена, персонажи, места и события, описанные в романе, вымышленные или используются условно.

Двинская тайга, 1955г.

– В давние времена жила-была одна девочка... Имени ее уже никто не помнит, но была она младшей из тринадцати детей. Когда старшая сестра качала ее в колыбели, в дом влетели двенадцать колдунов. Они пообещали старшей сестре богатства в обмен на младшего ребенка. А та возьми и согласишься.

Так попала девочка к колдунам и была выращена как родная дочь. А имя ей дали – Шишимора. Она отличалась от других детей, ведь колдуны даровали ей вечное детство, а еще сильную худобу. Люди говорили, что через нее можно было разглядеть и синюю реку, и голубое небо...

Шишимора не была человеком, но ей очень не хватало тепла и общения. И однажды решила она сбежать от колдунов и погулять по белу свету, чтобы найти себе новую семью.

Сбежать-то она сбежала, а вот тепла так и не нашла. Люди ее боялись и гнали от себя прочь. От страха и неприкаянности стала Шишимора совсем невидимой.

Однажды забежала она в один дом, да и спряталась за печку. И вдруг ей показалось, что чувствует запах своих близких – той, первой своей семьи. И стала она каждую ночь выходить из-за печки и обнимать людей. Ежели они оказывались к ней добры, то она им зла не пророчила, а ежели злы, то Шишимора кликала им беду.

С тех пор шишимора-то по свету белому и ходит... Колдуны давно сгинули, а она – нет. Ходит-бродит, ищет себе новое место... А вот знаешь, таких как она много... Живут себе, кто на болотах, а кто и в домах человеческих...

– Тетя... – девочка всхлипнула, часто задышала, заерзала на жесткой слежавшейся подстилке и потеряла кулачками глаза. Воздух пах сеном и коровьим молоком. – Тетя, скажи...

– Ну, чего тебе? – Женщина широко зевнула и ткнула ее в плечико костлявым кулаком. – Спи давай!

– Тетя, а где моя мама?

Глава 1

Наше время, июнь

– Вологда через двадцать минут!

Проводница с заспанным лицом шла по проходу и повторяла одно и то же, хотя практически все пассажиры уже проснулись. Громко храпел только один – огромный дядька на верхней полке, подсевший ночью.

Поезд прибывал по расписанию, но Аглая и так ни за что бы не пропустила остановку, потому что всю ночь не смогла сомкнуть глаз. Им с сыном повезло – молодой военный поменялся с ними полками и теперь сидел с краю, не глядя в их сторону и строча что-то в телефоне. Аглае хотелось еще раз поблагодарить его, но сил не было даже на это. Тупое оцепенение, давящее на ее опущенные плечи и сторбленную спину, не покидало вот уже второй день. Аглая думала, что как только окажется вдали от Бориса, ей станет легче, но ощущение безысходности становилось лишь сильнее.

Тимоша заворочался, откинул тонкое одеяло, засучил ногами и часто-часто задышал. Во время сна шерстяной носок свалился с одной ступни, и Аглая просунула ладонь под одеяло, чтобы найти его, при этом вглядываясь в личико сына. Носка не было. Она встала, посмотрела под собой, заглянула за спину военного. Тот удивленно посмотрел на нее.

– Носочек потеряли, – прошептала она, испытывая сильнейшую неловкость.

Их соседи – супружеская пара средних лет, были заняты собой: негромко переругиваясь, они тоже что-то искали в двух объемных сумках, поэтому в маленьком купе стало совсем тесно. Аглая села, раздумывая над тем, что Тимофея нужно будить, а жалко. Ей всегда было его жалко, что бы ни происходило. Он родился маленьким, недоношенным, плохо ел и постоянно болел. Поэтому даже сейчас, в июне, когда погода наконец стала по-настоящему летней, она все равно надевает ему шерстяные носки. Со стороны, должно быть, это выглядит, по меньшей мере, странно, но ей было все равно. Хотя, наверное, нет, иначе бы она не реагировала так остро на удивленные взгляды. Впрочем, этим взглядам было объяснение, ведь у Аглаи на лице написано, что она несчастна. Не станешь ведь объяснять каждому, что на самом деле, она очень твердый и уверенный в себе человек, ну, или пытается им быть с того самого момента, как приняла решение уйти от Бориса. И теперь каждую минуту борется с самой собой, чтобы не опустить руки.

– Никуда ты не денешься, – усмехнулся Борис, завязывая галстук и глядя на нее в зеркало.
– Кому ты нужна?

– Я и тебе не нужна, – тихо ответила она, комкая в руках его белую рубашку со следами помады, найденную во время сортировки белья для стирки. Рубашки Бориса она стирала вручную, сначала намывывая воротник и манжеты, как учила бабушка.

– Господи, только давай без дешевой мелодрамы! Посмотри на себя, – муж брезгливо выгнул губы. – На кого ты стала похожа? Неужели думаешь, что такие как ты могут кому-то нравиться?

Аглая почувствовала, как краска заливает ее лицо. Сейчас ей было наплевать на слова Бориса, но они все равно ранили ее, как и любую женщину.

– Да уж, до твоих дамочек мне далеко, – только и смогла выдавить она, отбросив рубашку на стиральную машину, словно дохлую змею. – Знаешь, что, Боря...

– И что? – взгляд его заледенел.

Аглая сглотнула горячий ком и набрала в грудь побольше воздуха, чтобы хватило сил сказать:

– Я достаточно терпела! И теперь ухожу от тебя!

– Уходишь? – Борис вскинул брови и, закинув голову, громко расхохотался. – Куда ты пойдешь? – Он все еще продолжал посмеиваться, пока брызгал на себя парфюм и внимательно разглядывал в отражении свой гладко выбритый подбородок.

– Неважно куда, лишь бы подальше от тебя! – От терпкого аромата у нее заслезились глаза.

Борис обернулся, медленно приблизился и наклонился к ее лицу. Она выдержала его взгляд, хотя волосы на руках буквально встали дыбом.

– Ну-ну... – с нехорошей улыбкой произнес ее муж. – Иди. Я тебя не держу. Только учти, что Тимофей останется со мной.

– Он тебе не нужен! – воскликнула она, и голос ее сорвался, застрял где-то в горле острой иглой. – И никогда не был нужен!

– А уж это не тебе решать.

– Не мне?! Уж не твоей ли очередной козе?! Да я тебя... – Аглая не успела закончить фразу, как Борис вдруг со всего размаху ударил ее ладонью по лицу.

Аглая вскрикнула, отшатнулась к стене и больно ударилась затылком. На мгновение свет померк, а внутри образовалась давящая на виски пустота.

– Только попробуй еще вякнуть! – наконец сквозь звон в ушах услышала она голос мужа. – Только попробуй... Голодранка!

Она не только попробовала, она собрала вещи и... оказалась перед фактом: пойти ей действительно было некуда. У нее были кое-какие деньги на первое время, но квартира, в которой они жили, принадлежала Борису. Это она в свое время сделала страшную глупость, поддавшись на уговоры тогда еще будущего мужа – продала доставшуюся ей от бабушки однокомнатную квартиру. Деньги были нужны Борису для бизнеса, и в тот момент Аглая посчитала свое решение правильным. Она любила его и верила, что вытянула счастливый билет. Ей, выпускнице художественного училища, было на тот момент всего девятнадцать, она мало что смыслила в жизни, так что в Борисе увидела то самое крепкое плечо, за которым хотелось спрятаться и наконец выдохнуть. Поначалу так и оказалось: она быстро забеременела и испытывала необыкновенное счастье от мысли, что подарит своему избраннику ребенка. Однако скоро поняла, что совсем не знает Бориса. С каждым днем в его характере она с удивлением открывала все новые и новые черты, которые ставили ее в тупик.

Нет, начиналось все очень даже красиво. Аглая переехала в его квартиру с балконом, который выходил на красивый парк. В этом парке она планировала гулять с коляской. Ей доставляло радость заниматься хозяйством и готовить вкусные борщи, стирать и гладить его рубашки. Она даже рисовать перестала, потому что Борис не переносил запах красок и масел. К тому же его раздражал художественный беспорядок, да и времени с маленьким ребенком на творчество уже не оставалось. Поэтому все ее холсты очень скоро отправились в подвал, где вскоре благополучно испортились после протечки труб.

Борис занимался грузоперевозками. Вложенные от продажи ее квартиры деньги пошли на покупку нового автомобильного ангара. Бизнес процветал. Это все, что Аглая знала о делах своего мужа.

Она верила в любовь, но со временем осознала простую истину – Борису нужна была тихая покорная жена, которая не скажет и слова поперек. Бытовая зависимость постепенно перерастала в психологическую, и Аглая поняла, что совсем скоро станет лишь тенью своего мужа. Впрочем, не ею ли она была с самого начала?

Ее просто использовали. Борис вел привычный образ жизни – тот, о котором она не имела ни малейшего представления. Вернее, находила объяснения, оправдывая его загулы тяжелой работой и ответственностью. А он являлся домой пьяным, устраивал скандалы, насмехался над ней, укорял в несостоятельности и непривлекательности. Тимофей был слишком мал и требовал к себе внимания, и она не могла найти возможность, чтобы очнуться от этого страш-

ного сна. Ей было действительно страшно оказаться лицом к лицу с новой действительностью, которая поглощала, засасывала ее, словно болотная трясина.

И все же всему когда-нибудь приходит конец. И ее терпению он тоже пришел. Она знала, что Борис ей не верен, что у него много любовниц и случайных связей. Об этом говорило не только его поведение, но и все те вещи, по которым женщина узнает об изменах. Собственно, Борис особо и не скрывался. Более того, словно специально, обозначал это. Вся их жизнь стала похожа на театр абсурда или пошлый анекдот, но от этого сравнения смеяться хотелось меньше всего.

Одежда Бориса провоняла чужими духами, женщины звонили ему даже тогда, когда он находился вместе с ней и Тимошей. Красивое лицо Бориса в этот момент становилось хищным, он упивался растерянностью Аглаи и ее плохо скрываемой обидой. Ему нравилось играть на ее нервах. Он говорил ей, что это звонки по работе, и она зря волнуется. Она хотела верить, все еще цепляясь за те чувства, что испытывала к нему в первые годы совместной жизни. Пыталась делать вид, что ей все равно, но у нее ничего не получалось.

Если это была ревность, то Аглая всем сердцем возненавидела это чувство. Ведь ревность происходила из любви, а любить она уже не могла.

Чтобы снять квартиру и как-то существовать, требовались средства и немалые.

Все чаще Аглая подумывала обратиться за помощью к своей подруге Ирине Новиковой. Ирина выросла в обеспеченной семье и могла позволить себе ссудить денег на первое время. Потом Аглая рассчитывала устроиться на работу, закрепиться и, возможно, даже взять кредит на квартиру. До этого, конечно, было еще далеко, но с чего-то надо было начинать.

Аглая справедливо полагала, что Борис не станет противиться разводу. В этом не было смысла. Их отношения уже перешли ту грань, когда можно было что-то вернуть. Конечно, Аглая надеялась, что у ее мужа хватит совести обеспечить собственного ребенка, но то что он захочет отобрать его у нее – у матери! – стало для нее еще большим ударом, чем все остальное.

– Зачем тебе Тимофей? – выкрикнула она, чувствуя, как слезы градом катятся по щекам. В груди горело и саднило так, будто он вколол в ее грудь вилку и теперь наматывает на нее жилы, готовясь одним движением вырвать их вместе с сердцем. – Он никогда не был тебе нужен!

– Вот как ты заговорила? Забеременела, заставила на себе жениться, а теперь бравируешь этим?

– Я... я... – задохнулась от гнева Аглая.

– Заткнись и слушай! – отчетливо повторил Борис. – Сын останется со мной! Надо будет, мать к себе заберет. Уж она лучше тебя управится.

Свою свекровь Аглая боялась. Первый раз та прибыла через неделю после их росписи. Расписались они с Борисом без помпы, ресторана и гостей. Аглая была уже глубоко беременна, ей было не до того, но все же она радовалась тому, что стала женой. А вот мать Бориса, наоборот, всем своим видом выказывала недовольство произошедшим, и как бы Аглая не пыталась убедить ее в том, что у них с Борисом все хорошо, лишь качала головой и скорбно поджимала тонкие бледные губы. Она была вдовой, работала директором коммерческой гимназии и обо всем имела свое исключительное мнение.

Она постоянно была недовольна Аглаей и не скрывала того, что считает ее малолетней стервой, окрутившей ее сына. Когда родился Тимофей, у свекрови вообще сорвало «крышу». Все, что делала Аглая, было неправильно: памперсы вредили здоровью, кулинарные способности не соответствовали, в садик нельзя ни в коем случае. Даже предписания детских врачей подлежали жесткой обструкции, и Аглая металась, пытаясь стать идеальной для всех, хотя желала только одного – выспаться. Борис не помогал, полагая, что не должен заниматься «женскими» делами, и частенько повторял, что займется воспитанием сына, когда тот начнет хоть

что-то понимать. Что ж, он почти добился своего – Тимофей подрос, и детские страхи подросли вместе с ним.

Борис был зависим от матери, при ней он становился другим – трепетным и нежным. Он часто навещал ее, оставляя Аглаю одну, а когда возвращался, спускал на нее собак, потому что дома был беспорядок, а ребенок плакал. Объяснять что-либо было бессмысленно, и Аглая терпеливо сносила упреки, понимая, что никогда не достигнет планки его матери.

– А я?.. – Аглая не сводила с него ошарашенного взгляда, пытаясь понять, как могла прожить рядом с Борисом несколько лет. – Как же я?

– А ты можешь идти на все четыре стороны! – с гнусной улыбкой развел руками ее муж. – Это я разведусь с тобой. А ты мне еще алименты платить станешь!

От подобной картины у Аглаи все поплыло перед глазами.

– Что с тобой стало, Боря?! Почему ты такой?

– Господи, как ты мне надоела со своим нытьем! – прошипел он, оттягивая на горле узел галстука. – У меня серьезные встречи, поездки, а ты все время меня доводишь! Так и нарываешься... – Борис замахнулся еще раз, затем потер ребро ладони и вышел из ванной, хлопнув дверью.

Она догадывалась о том, что сделало Бориса таким – деньги. Большие деньги и новые знакомства, которые позволили ему чувствовать себя безнаказанным. Борис считал себя хозяином жизни, а она, Аглая, никогда не дотягивала до его уровня. И ребенок, по сути, ему тоже был не нужен, однако, глядя на ее страдания, он просто упивался собственным превосходством.

Он ударил ее, тем самым открыто заявляя о своем отношении. Стоило ли ждать, когда это случится еще раз? Нужно быть глупцом, чтобы не понимать: дальше будет только хуже.

Когда Борис ушел, Аглая дала волю слезам. Но это были последние слезы, которые она могла себе позволить. От переизбытка эмоций ее вырвало, поднялась температура. Тимоша сидел в спальне, закрывшись одеялом с головой, как делал каждый раз, когда в доме происходили скандалы. Ему шел пятый год, но он уже очень хорошо понимал, что не следует выходить из комнаты, когда папа начинал повышать голос.

Аглая осознавала, что его здоровье напрямую зависит от обстановки в семье, и корила себя за то, что столько времени позволяла Борису измываться над собой.

– Ира?! Ирочка! – торопливо произнесла она в телефонную трубку, услышав голос Новиковой. – Мне очень нужна твоя помощь!

Аглая наконец нашла носок и сунула его в карман.

– Тимоша, надо вставать, – прошептала она в маленькое розовое ушко и поцеловала теплую щеку.

– Я хочу спать... – Тимофей обнял руками ее за шею, а ногами за талию.

– Приедем к тете Ире и выспимся! Там у нее дом большой, и сад красивый... – нараспев сказала она, присаживая мальчика на свои колени и выуживая из сумки хлопковые носочки. Просто эпопея какая-то с этими носками, но ноги должны быть в тепле и в сухости – так сказал врач. А про дом и сад вскользь упомянула сама Ирина во время их короткого разговора. Но и этого было достаточно, чтобы Аглая сразу же ухватилась за ее предложение.

Соседи по купе молча смотрели на них – Аглая кожей ощущала их настороженные внимательные взгляды. Пальцы ее дрожали, когда она проверяла, не вспотел ли Тимоша, просовывая ладони под тонкую футболку.

– Хочешь в туалет?

Мальчик pokrutil головой и прильнул к ее груди.

– А пить?

Когда он кивнул, Аглая нагнулась и достала из дорожной сумки бутылку с водой.

– Ты пей пока, а покушаем, когда выйдем из поезда, хорошо? – она виновато улыбнулась и потрепала сына по пшеничным волосам. Бутерброды они съели еще на вокзале, а покупать еду в вокзальном буфете Аглая поостереглась. – Тетя Ира за нами приедет.

– На машине?

– На машине. – Аглая посмотрела на мелькавшие за окном дома и деревья. – Скоро уже приедем. Совсем немного осталось.

– Мама, тебе больно? – Тимофей погладил ее по щеке.

Аглая вспыхнула до корней волос.

– Ну с чего ты взял? Все хорошо! Давай-ка сандалии наденем!

Тимофей зевал и разглядывал других пассажиров. Сидевшая напротив женщина улыбнулась ему, а когда он нахмурился в ответ, просюсюкала:

– Какой серьезный мальчик! Как тебя зовут?

Тимофей ухватился за локоть Аглаи и спрятал лицо, уткнувшись ей в подмышку.

– Он еще толком не проснулся, – извиняющимся тоном сказала она.

Они сели в поезд вечером. Аглая боялась, что Борис внезапно вернется, и тогда ей не удастся выйти с сыном незаметно. Она не знала, в городе ли ее муж, на работе или на встрече. Она ничего не знала о том, как и с кем он проводит время. С некоторых пор ей было даже легче, когда он не появлялся сутками. Поначалу он хотя бы предупреждал о командировках, а потом перестал. Но самое ужасное было в том, что заявиться он мог тоже без предупреждения, и если Аглаи по каким-то причинам не было дома, то устраивал скандал, называя ее самыми распоследними словами. Она понимала, что для этого ему не требовалось веских причин – достаточно любой ерунды: недостаточно разогретого супа или невыглаженной рубашки, которую он даже не планировал надевать, оставленной в гостинной игрушки, собственное плохое настроение... Сколько бы она не старалась уследить за всем, это было невозможно.

Она возненавидела и эту квартиру, и этот парк за окном, и их супружескую постель. Каждый поворот ключа в дверном замке теперь вызывал у нее паническую атаку.

С соседями она особо не общалась, лишь здоровалась и обменивалась ничего не значащими фразами. Не потому, что не хотела, просто у всех была своя жизнь и заботы. Соседи были вежливыми и воспитанными людьми, которые не лезли в чужие дела.

Сейчас она думала, что обязательно откажется от любых имущественных претензий. Она отказалась бы и от алиментов, лишь бы быть уверенной в том, что Борис отстанет от них. Возможно, через какое-то время у него наступит просветление, и тогда они смогут поговорить как цивилизованные люди. В это верилось с трудом, но Аглая не теряла надежды. Все-таки Борис был отцом Тимофея.

Когда скорость поезда замедлилась и уже можно было идти к выходу, Аглая вытащила сумку и взяла сына за руку.

– Всего доброго, – сказала она сначала семейной паре, а потом повернулась к молодому военному. – Спасибо вам огромное!

Мужчина кивнул и привстал, намереваясь помочь ей с ее ношей, но Аглая торопливо выставила сумку вперед, вливаясь в поток двигавшихся по коридору пассажиров. Ей не хотелось никого затруднять, да и взгляды ее соседей по купе были куда как красноречивы. Наверняка каждый из них уже придумал свою историю про молодую женщину с синяком под глазом.

Глава 2

Аглая вышла из вагона и отошла в сторону, чтобы не мешать другим пассажирам. Опустила Тимофея на перрон и достала телефон.

– Вот черт, забыла совсем... – Она запихнула телефон обратно, потому что он разрядился, а зарядку она оставила дома. Посмотрела на нее и... не взяла. Совершенно идиотский поступок, если посмотреть на него глазами взрослого человека. Но ей необходимо было срочно уйти из дома. Она и вещей-то взяла с собой совсем немного, только самое важное – документы, деньги и кое-какую одежду.

Это не было побегом – убегают трусы. А Аглае требовалось время, чтобы прийти в себя и набраться сил перед грядущими разборками. А в том, что они будут, она нисколько не сомневалась.

В Вологде она никогда не была, но знала, что Ира Новикова вернулась туда после окончания учебы. Училась она в театральном и иногда позировала в художественном училище, где они и познакомились. Их дружба могла бы закончиться в тот момент, когда Борис выбрал Аглаю, ведь он нравился и Ирине, но они все еще продолжали общаться и поздравлять друг друга с праздниками в соцсетях. Аглая не могла себе позволить грузить Ирину своими проблемами, словно чувствовала вину за свой скоропалительный брак. Как знать, возможно, случись все по-другому, не стояла бы она сейчас посреди перрона, оглядываясь по сторонам и мучительно соображая, как поступить, если Ирина передумает о своем решении забрать их к себе.

– Дроздовская! – услышала она свою девичью фамилию.

Ирина стояла у входа на вокзал – высокая, красивая, в модном бирюзовом брючном костюме и больших солнцезащитных очках, и толпа обтекала ее с обеих сторон, не задевая, словно она находилась внутри невидимого магического кокона.

– Ира! – Аглая подхватила сумку, взяла Тимофея за руку и потащила к ней.

– М-да... – Подруга отвела волосы от ее лица и придирчиво оглядела синяк. – Неожиданно... Это *он* сделал? – спросила она, даже не понизив голоса.

Аглая бросила на нее умоляющий взгляд и покосилась на Тимофея.

– Это что, все ваши вещи? – выгнула тонкую бровь Ирина. – Негусто.

– Нам пока хватит, – ответила Аглая и болезненно усмехнулась. – Прости, что свалились на тебя как снег на голову!

– Неожиданно, да, – повторила Ирина и посмотрела на Тимофея, который, вытянув тонкую шейку, с интересом изучал содержимое ближайшей мусорки. – А чего он у тебя такой мелкий?

– Ир, ну... – Аглая тяжело вздохнула.

– Ладно, пошли. По дороге расскажешь, что у тебя там приключилось. Хотя мне и так все понятно.

За пару минут они пересекли площадь и подошли к черному внедорожнику.

– А у папы тоже большая машина! – заявил Тимофей, приседая у переднего колеса и тыча пальцем в сверкающий диск.

Аглая потянула его за шиворот к себе.

– Чем больше у мужчины автомобиль, тем меньше у него причинда...

– Тимоша, а посмотри, какие птички! – громко перебила подругу Аглая и прижала ладонь к губам, выпучив глаза. – Ира!!!

– Ой, подумаешь, – пожалала плечами Ирина и щелкнула брелоком, открывая багажник. – Психологи врать не будут.

– Вообще-то это антинаучная теория, – сказала Аглая, запихивая сумку внутрь.

– Не скажи... – посмотрела на нее поверх очков Ирина.

– У тебя есть детское кресло? – заглянув в салон, удивилась Аглая. – Ой, Ира, неужели...

– Издеваешься? – отмахнулась та. – И не смотри на меня так! В отличие от некоторых, я очень ответственно отношусь к созданию семьи и тем более рождению детей. Кресло я взяла у соседей, потому что не хочу, чтобы меня оштрафовали.

– А я уж было подумала... Но ты бы мне сказала, правда?

– Разумеется! Какие между нами могут быть секреты? – с ноткой язвительности ответила Ирина.

Аглая усадила сына и стала возиться с ремнями. Возразить ей было нечего, да, собственно, и незачем. Прошное осталось в прошлом, как и слезы Ирины, когда Аглая рассказала ей об ухаживаниях Бориса. Она была так счастлива в тот момент, что не сразу заметила нездоровый блеск глаз и обиженное лицо подруги. Она тогда не видела ничего и никого, кроме Бориса.

Если бы кто-нибудь сказал ей, что они с Ирой Новиковой были соперницами, она рассмеялась бы ему в лицо. Нет и еще раз нет! Если бы Ирина только намекнула, что между ней и Борисом намечаются отношения, то она бы никогда не позволила себе встать между ними.

Впрочем, тогда Ирина быстро пришла в себя. Она пользовалась успехом у мужчин, да разве могло быть иначе? Роскошная голубоглазая блондинка с пикантной родинкой над верхней губой, практически Мэрилин Монро российского разлива. Аглая с двумя хвостиками каштановых волос и чуть раскосыми карими глазами проигрывала ей по всем статьям. И ростом она была ниже, и выдающейся комплекцией не отличалась. У Тимофея были светлые выющиеся отцовские волосы, а глаза от нее – темные вишни под длинными ресницами. Когда он был совсем маленьким, его принимали за девочку. Тимофей рос любознательным, правда довольно пугливым. Но в этом была и ее вина. Он стал невольным участником их неудачной семейной жизни.

– М-да... Нет повести печальнее на свете, чем повесть о разводе и бюджете, – резюмировала Ирина, когда они выехали с вокзальной стоянки. – И что же, значит, теперь у тебя ничего нет за душой?

– Получается, что так... – тяжело вздохнула Аглая. – Я ведь правда думала, что мы всегда будем вместе, что все это нужно для счастливого будущего!

– А получилось, что осталась с голым задом. Эх, Дроздовская, что же ты мне раньше-то не рассказала обо всем, а?

– Зачем тебе мои проблемы?

– Действительно, зачем? Только почему-то сейчас именно я пытаюсь их решить.

– Прости, Ира! Я виновата, грузю тебя, но мне просто совершенно некуда пойти! И потом, я, наверное, слабая, не умею бороться. Если бы умела, то не довела бы ситуацию до такого. Больше всего я боюсь, что Борис отнимет у меня Тимошу. Он может. Наш сын прописан у него, Борис его отец. А я... я ничего из себя не представляю. Отучилась, а толком нигде не работала. С чем я пойду в суд?

– Вот с этим! – указала Ирина на синяк. – По-твоему, этого ничего не значит? Ты побои сняла?

– Побои... Господи, Ира, никогда бы не подумала, что стану жертвой семейного абьюза. Ведь сначала все было хорошо. И ты знаешь, я любила Борю. Он был такой...

– Каким он был, таким он и остался... – передернула плечами Ирина. – Ты приняла влюбленность за любовь, вот что я тебе скажу. Кто ты? Глупая маленькая девочка, которая слаще морковки ничего не видела.

– Я младше тебя всего на полгода, – попыталась возразить Аглая. Но Ирина была права. Ничего-то она толком и не видела.

– Не напоминай! Годы идут, старость не за горами, – Ирина мельком глянула на себя в зеркало. – Как тебе наш городишко?

– Красивый! – кивнула Аглая. – Столько зелени, памятников, церквей. – Я ведь особо нигде не была, так что мне все кажется каким-то сказочным!

– Это ты еще наше Спасское не видела! Дворянское гнездо!

– Да, припоминаю, ты говорила, что твои предки жили в каком-то селе... – наморщила лоб Аглая, мысленно вернувшись на несколько лет назад.

– Мои предки владели этим селом, – хохотнула Ирина. – Честно говоря, я до сих пор путаюсь во всех этих родственных связях, а вот мой братец очень хорошо разбирается. Его зовут Павел.

– Он твой родной брат? Ты никогда не говорила о нем.

– Двоюродный.

– Получается, ты живешь там же, в этом Спасском?

– Деревенский воздух полезен для здоровья. Спасское всего в сорока километрах от города, а еще... – Ирина посигналила зазевавшемуся водителю на светофоре. – Мы с Павлом решили превратить усадьбу в отель и таким образом сделать Спасское-Неведово туристической Меккой! Грандиозно, скажи?

– Ничего себе... погоди, так там и усадьба есть? – оживилась Аглая. – Я думала, у вас только дом.

– И дом, и усадьба! Пришлось поднатужиться, чтобы выкупить близлежащую землю, Пашка свою квартиру продал. Саму усадьбу еще наш дед прихватизировал, но парк пришлось выкупать. Ах, ты бы знала, в каком ужасном состоянии там все находится! Начало девятнадцатого века, сама понимаешь. Легче построить новое, чем восстановить эти руины, но в этом-то и суть – все должно быть максимально приближено к оригиналу! Мы ведем переговоры с несколькими фондами, которые могли бы спонсировать проект, и я надеюсь, все получится. А дом, в котором мы живем, построен еще нашим прадедом. Он находится неподалеку от усадьбы. Сейчас всем наплевать на дворянские корни, были бы деньги, но, согласись, чувствовать себя благородной дамой очень приятно. И именно поэтому я в шоке от того, что ты сделала, подруга. Отказаться от материальной собственности ради любви? О, это, конечно...

– Глупость, – согласилась Аглая и тяжело вздохнула.

– Глупость! – подтвердила Ирина.

– Глупость! – выкрикнул с заднего сидения Тимофей и громко рассмеялся.

– Вот, даже ребенок это понимает! – Ирина взглянула на часы: – Надо еще в магазин заехать. Продуктов подкупить. Это в Греции все есть, а в Спасском ни тунца, ни креветок не водится, к сожалению. Зато есть леши и щуки. И речка тоже присутствует! – подмигнула она в зеркало Тимофею.

– Мама, речка! – Глаза мальчика загорелись.

Аглая достала кошелек:

– Ир, тут все что у меня есть. Ты возьми, пожалуйста, сколько нужно за проживание. А я постараюсь работу найти побыстрее, чтобы вас не стеснять.

– Не смейся, подруга! Знаю я твою щепетильность, поэтому все продумала. Отработаешь!

– Отработаю?

– Ну да. В усадьбе дел невпроворот, вот и поможешь. Ты же у нас художник? В реставрации что-то да понимаешь.

– Да, кое-что понимаю. У нас преподаватель был один, так он...

– Так, приехали! Вы как: здесь посидите или со мной в магазин? – пропустила мимо ушей ее фразу Ирина.

Аглая покрутила головой и ткнула в вывеску над стеклянной дверью:

– Это кафе? Мы зайдем руки помыть и в туалет сходить. Купим йогурт и печенье.

– Печенье? – поморщилась Ирина. – Мужик должен есть мясо! Да, Тимоха? Хочешь мяса?

Мальчик снова заливисто рассмеялся, а Аглая улыбнулась. Ира Новикова нравилась абсолютно всем, начиная с собак и заканчивая маленькими детьми. И только Борис почему-то выбрал не ее, а Аглаю.

Она вспомнила, как они познакомились с ним. Ира достала билеты на премьеру и была чудо как хороша в светлой норковой шубке и высоких сапожках. Аглая рядом с ней смотрелась бедной родственницей в красном пальто, в котором ходила еще ее мать. Однако цвет ей очень шел, и сама она чувствовала себя очень счастливой, оттого что идет в театр с красивой веселой подружкой.

Во время учебы она подрабатывала тем, что рисовала пейзажи. Ее приятель-однокурсник их куда-то сдавал и, разумеется, имел с этого процент, но Аглая не вдавалась в подробности. Важно было то, что она может позволить себе такие радости, как новые краски, холсты и вот такие вылазки «в люди». Билеты оказались недешевые, но какая разница, если можно отдавать не сразу, а частями. Ира, конечно, никогда не требовала вернуть долг, но и не отказывалась, когда Аглая благодарила ее. Бабушка всегда учила Аглаю вовремя платить по долгам и не радоваться «халяве». «За все придется рано или поздно расплачиваться», - говорила она.

Борис оказался знакомым одного из приятелей Ирины. Скорее всего, этот знакомый был довольно близким, потому что это читалось в его глазах и жестах, когда он подошел поздороваться. Но если между ними что-то и было, то Ирина этого не показывала. У нее было море поклонников. Однако взгляд ее потемнел, когда она увидела Бориса. Высокий, статный, светловолосый и зеленоглазый Борис чем-то напоминал былинного русского богатыря. Аглая тогда обратила внимание на его крепкие руки с длинными пальцами. Могла ли она тогда представить, что однажды именно эти руки оставят отметины на ее лице?

Говорят, что развод подобен смерти. В ее случае, развод казался меньшей из бед. Борис мог потребовать, чтобы Тимофей остался с ним. А что она могла предложить взамен? Ровным счетом ничего.

В первую встречу Борис был немногословен, говорил по существу, тем самым привлекая к себе еще больше внимания. Он казался таким надежным и мужественным, что у Аглаи замирало сердце от одной мысли о нем.

Он позвонил ей через три дня, а она даже не спросила, откуда у него ее телефон. Растерялась, растеклась медовой струйкой, только услышав его голос. Тогда она уже жила одна. Мать занималась своей жизнью, а отца она и не знала. Бабушка что-то говорила о нем, но как-то вскользь, из чего Аглая сделала вывод, что оказалась случайным ребенком, которому, впрочем, сама бабушка была очень рада. Перед смертью она долго болела. Аглая научилась делать уколы и инъекции, старалась ничем не огорчать и во всем ее поддерживать, но в один вечер бабушке стало совсем плохо. Приехала скорая, но поделать уже ничего не могли.

Аглая сообщила матери. Та приехала в день похорон с обратным билетом в Турцию, где работала управляющей в модном бутике. Женщина она была еще молодая, считала, что Аглая сама в состоянии устроить свою судьбу, ведь для этого у нее имелось все необходимое: и квартира, и образование. Почему-то она никогда не брала в расчет чувства дочери, вероятно, считая их такой же случайностью, как и ее рождение. Аглая попыталась было объяснить матери, что ей не хватает ее внимания и любви, но вовремя осеклась.

Она мечтала о настоящей семье, и когда появился Борис, приняла свою влюбленность и восхищение за настоящую любовь. Даже сейчас она думала, что если бы он был другим, если бы не было всей этой гадости, которая случилась между ними, то она продолжала бы думать только о нем. Но люди не меняются, если сами того не желают. А Борис желал быть таким, каким стал. Просто она не разглядела вовремя в нем этой пагубной страсти к красивой жизни.

... В кафе Аглая сразу же подошла к стойке и заказала йогурт и маленькую пачку сухого печенья без сахара, стараясь не встречаться взглядом с буфетчицей. Затем они с Тимофеем сходили в туалет и хорошенько вымыли руки. Тимофей начал шалить, затыкая кран пальцем и

разбрызгивая воду. А у нее не было сил, чтобы ругаться. Аглая понимала, что мальчик нервничает не меньше, чем она.

Умытый и разругавшийся, он пил йогурт и закусывал печеньем, разглядывая обстановку кафе и посетителей. Аглая подумала было купить что-нибудь из выставленного в меню, но побоялась, что подсунут несвежее, и сыну станет плохо. Машина у Иры дорогая, красивая, если его начнет тошнить, а это обязательно случится от неправильной чужой еды, то это тоже ляжет на ее плечи. Химчистка салона – вещь недешевая.

Ничего, приедут в Спасское, она сварит куриную лапшу, и как-то все наладится... Ей нужно было в это верить и нужно было с чего-то начинать.

– Вот, берите. Все равно списывать.

Перед ней появилась тарелка с пирогами. Буфетчица вытерла руки о край передника и жалючи покачала головой, глядя на Тимофея.

Аглая прикоснулась пальцами к ноющей скуле и быстро сказала:

– Спасибо огромное! Нам ничего не надо.

Они подошли к машине и стали ждать возвращения Ирины. Тимофей нарезал круги по тротуару, гоняя толстопузых голубей, а Аглая вдыхала запах липы, растущей в нескольких метрах от них.

«Город как город, – думала она, – ничего особенного». И все же ловила себя на том, что натянутая внутри струна с каждой минутой будто ослабевает. Разумеется, это не было связано с чужим незнакомым городом. Просто она проделала длинный путь и толком не спала. А день выдался теплый, солнечный, поэтому ее немного «размазало».

– Ну вы как? Заждались?

Ирина выкатила из дверей супермаркета набитую до краев тележку и открыла багажник. Аглая помогла с пакетами, старательно раскладывая их внутри.

– Ир, мы правда вас не стесним? – спросила она.

– Нет, конечно! Тем более, жить вы будете в усадьбе.

– В смысле? – растерялась Аглая. – Ты же сказала, она не пригодна для жилья.

– Я поселю вас во флигеле. Там нормальный ремонт, не переживай! Потом сделаем из него хозяйственную комнату или что-то вроде этого. Много ли вам надо?

– Ну... – Аглая нерешительно кивнула. – Ты права, пока обойдемся малым. Была бы крыша над головой.

– Господа Уржумовы не жаловались, – фыркнула Ирина.

– Это кто?

– Это мои предки, которые построили усадьбу.

– А... понятно.

– Раз понятно, тогда прощу в карету и помчали!

Глава 3

Двинская тайга, 1965г.

Под ногами противно чавкало. Отмахиваясь от назойливых комаров, Прасковья натянула платок почти до самых бровей. Кожу пекло, день выдался жаркий и сухой, но здесь, рядом с болотом, воздух был тяжелый, влажный, густой. Насекомые гудели, привлеченные близостью человеческого тела, лезли в глаза, ноздри, копошились в волосах. Тетка Галя велела косы спрятать, да разве ж спрячешь их под платком? Толстые косы у Прасковьи, русые. После бани полдня сушишь, а потом еще полдня гребнем чешешь. За те косы на нее всякий глядит, и тошно от тех взглядов, будто крапивой жжешься. Сама Прасковья маленькая, худенькая, тонкокостная, только пятнадцать весен исполнилось. Летит время, не остановишь. Ей бы радоваться, да нет той радости, что в детстве была, и детства того уже и в помине нет.

Все ей тошно – и лес этот, и тяжелая плетёная клеть за плечами, и душевная тоска. Хоть беги да в омут с головой! Как есть бы нырнула, камнем вниз ушла, лишь бы спрятаться от отца Дементия. Вот уж кто противен до крайности. И ведь не с того дня, как он ее приглядел, а гораздо раньше, когда они с матерью только сюда, в тайгу, приехали. Сколько уж лет прошло? Десять? Да, время летит. Матери уж сколько годин нет, а все кажется – окликнет, приласкает матушка-то родная.

Прасковья остановилась, ухватившись за тонкий березовый ствол. В груди запекло, заныло. Она услышала шаги и, повернув голову, увидела Галину. Та шла чуть поодаль, палкой раздвигала траву, потом сгибалась и приседала возле каждого гриба. Словно почувствовав ее взгляд, тетка обернулась. Лицо ее – обветренное, сухое, скуластое, некрасивое, накрыла тень.

– Что замерла? Взмылилась?

Прасковья отвела глаза и покачала головой.

Мать ее – деревенская, пока в городском училище училась, забеременела по глупости. В деревню к тетке вернулась, а к отцу Дементию они поехали, когда Прасковье пять лет исполнилось. Дорогу ту Прасковья на всю жизнь запомнила – муторную, грязную, голодную. Сначала-то вроде ничего было, на грузовике добирались. Потом на лодке вдоль реки, а вот уж после пешком через лес. Нет-нет да в памяти еще всплывали дома, люди... А теперь как во сне все: то ли было, то ли привиделось.

– На следующей седмице в дом к отцу Дементию пойдешь, – буднично сказала тетка.
– Свезло тебе, девка.

Прасковья вскинулась, замычала, выставила ладонь и быстро-быстро закрутила головой.

– А тебя спросить забыли, – усмехнулась тетка. – И нечего на меня зыркать-то, сказано – сделано. Бабе – бабья доля, и нечего тут!

Знала Прасковья, что все к тому идет. Ах, матушка, что же ты наделала...

– Что, может, воротимся уже? – вытерла вспотевший подбородок тетка. – Далеко зашли. До вечерней службы надо грибы разобрать и самим подготовиться.

Прасковья стиснула зубы и посмотрела в сторону болота. Там, за тощими кривыми осинами, начиналась черная топь. Уж лучше сгинуть, чем обратно вернуться! И пускай леший да шишиморы закрутят-завертят до смерти, только бы прочь от постылой жизни!

Тетка побрела стороной, тем самым давая команду следовать за ней. И Прасковья пошла, только не за теткой Галей, а в самую глушь, сначала тихим неуверенным шагом, а потом уж, на сколько хватало сил, бегом...

– Параскева? – Галина обернулась и поискала девчонку взглядом. Прислушалась.

Где-то вдалеке застучал дятел, следом вдруг вступила кукушка: «Ку-ку... ку-ку... ку...»

Галина вздргнула и крепче ухватила за палку.

– Параскева, где ты? – крикнула она, но голос ее затерялся в шуме ветра, который взялся непонятно откуда и зашевелил кроны деревьев. – Шутковать вздумала? Не время, обратно пора!

Женщина смахнула с лица налипшую паутину и прищурилась, вглядываясь в зеленую поросль – не мелькнет ли где светлый волос или холщовый выцветший платочек. Но нет – ни одна ветка не шелохнулась.

– Мать Пресвятая Богородица!.. – ахнула Галина и, поставив ведро, кинулась к тому месту, где совсем недавно стояла Прасковья. Покружив на месте, она кинула взгляд в темное лесное нутро и надрывно завывала: – Что же ты удумала-то, Параскевушка?.. Сгинешь ведь ни за что, ни про что! Ой, что же теперича будет-то...

Перекрестившись, женщина на дрожащих ногах пошла вперед, произнося тонкими сухими губами слова молитвы. Сердце ее глухо толкалось в груди, испуганно сжималось и ныло, дыхание спирало от плотного запаха прелой гниющей травы и древесных стволов.

– Ау! – крикнула Галина. – Девонька, вернись! Чего скажу-то тебе!

Ей нечего было сказать Прасковье кроме того, что она уже и так сказала. Свезло девке – выбрал ее Дементий. Не за красоту, знамо дело, а потому как пришла она, а значит, свежая кровь. Растили ее, кормили-поили, и вот она – благодарность! Вся в мать свою бесстыдницу! Да никуда не денешься – вымрет община, если детей не будет. Вся их жизнь во славу господню, а Парашка, видать, так ничего и не поняла. Заблудшая душа!

– Ох ты ж... – тяжело вздохнула Галина и отвела суковатую ветку на своем пути. Ветка упруго воспротивилась, а потом вдруг вырвалась, словно живая, и больно стегнула по лицу.

Галина пробиралась вперед, зорко оглядываясь по сторонам. То тут, то там она видела ровные полянки изумрудно-зеленого цвета, по форме напоминающие ровный круг. Знала, стоит только ступить на него, как ухнешь вниз, увязнешь и уже не выберешься. Потому как не нащупаешь дна, засосет с концами, кричи не кричи. Опомниться не успеешь, как...

– Прасковья! – выдохнула Галина и потыкала палкой в поросшую травой кочку. Ступив на нее, женщина ощутила, как земля под ней стала мягко проседать. Тело моментально сковало, по спине потек холодный пот. – Пресвятая Богородица, спаси и помилуй мя! – на одном дыхании выпалила тетка, услышав идущий из мрачной глубины звук. То ли вой, то ли всхлип, то ли плач, но от него у нее волосы зашевелились на затылке.

Галина перепрыгнула с одной кочки на другую, балансируя и проверяя палкой поверхность. Следовало вернуться, но она все еще надеялась, что сможет найти племянницу. Однако с каждой минутой ее уверенность таяла. Вокруг она видела только трясины, которая простиралась на многие и многие километры вокруг.

Даже если Прасковья не сгинет в болоте, то пропадет в лесу, станет добычей лесных зверей. Невозможно выбраться из Двинских болот. Прячется где-то девка.

– Вернешься ишшо, – в сердцах прошипела Галина. – Оголодаешь и вернешься! В ногах валяться будешь, покаяния просить! – Она сплюнула, хлопнула себя по щеке, размазывая комариное тельце, и повернула обратно.

Внезапно она замерла, заметив рядом с одной из изумрудных полянок тонкую красную ленту, а посередине этой полянки – темное пятно, над которым поднимался мутный серый пузырь.

Галина замерла, приоткрыла рот, а когда пузырь лопнул, в ужасе шарахнулась прочь от гиблого места.

– Утопла... утопла!.. – срывающимся голосом бормотала она всю дорогу, пока бежала в селение.

Глава 4

– И все же мне кажется, у тебя кто-то появился? – спросила Аглая, когда автомобиль выехал на окружную дорогу.

– Да! – Ирина аж подпрыгнула на сидении. – Его зовут Кирилл Воронов, он – владелец архитектурного бюро в Москве.

– Ого! Где вы с ним познакомились?

– Не поверишь, у нас в Спасском. Он снял там дачу на лето.

– Тоже потомственный дворянин? – серьезно спросила Аглая.

Ирина закатила глаза и тряхнула белокурыми локонами:

– Ты теперь все время будешь надо мной прикалываться?

– Что ты, я совершенно не хотела тебя обидеть! Прости за глупый вопрос. Просто подумала, что теперь рядом с тобой должен быть как минимум принц!

– А что, – задумалась Ирина, – так и есть! На меньшее я не согласна. Кстати, когда-то в Калужской губернии жил граф Воронов, который занимался колдовством. Согнал крестьян на каменоломни, те вырыли между пещерами ходы, и практиковался там в магии. Ну и богатства свои хранил, надо полагать.

– Твой Кирилл интересуется магией? – Аглая удивилась историческим познаниям подруги. Раньше та увлекалась лишь модными новинками и украшениями.

– Да перестань, какая магия? Говорю же, он архитектор! Облагораживает пещеры для богатых людей за большие деньги! А в Спасском отдыхает.

– Значит, у вас все серьезно? Ой, извини, что задаю тебе столько вопросов! Я будто вернулась в те дни, когда мы с тобой были близки... – смутилась Аглая.

– Да-да, и доверяли друг другу свои сердечные тайны, – усмехнулась Ирина. Лицо ее застыло в мрачной гримасе лишь на мгновение, а затем снова озарилось улыбкой. – Мы познакомились недавно, но между нами сразу же вспыхнул взаимный интерес.

– Это здорово!

– Да... Сейчас я думаю, слава богу, мы с тобой тогда из-за Боречки не разругались. Ты получила свое, а я свое!

На самом деле, конечно, все было не совсем так, как преподнесла Ирина. Разумеется, Аглая не знала и не могла знать, что ее семейная жизнь сложится столь неудачно, но Иру она любила и дорожила ее вниманием. И Бориса любила... Когда забеременела, а это произошло очень быстро, естественно, рассказала об этом подруге. Надо отдать должное Ирине, несмотря на обстоятельства, она продолжила общение, а потом и вовсе увлеклась кем-то другим.

– А как у тебя с театром и кино?

– Ну, в театре мне не понравилось. Кругом одна зависть! А чтобы попасть в кино, нужны связи, понимаешь? Но ничего, скоро все у меня будет: и роли, и слава.

Ирина включила незатейливую легкую музыку и приоткрыла окно. Свежий ветерок ласково коснулся щеки Аглаи. Она обернулась, чтобы проверить сына, и увидела, что тот заснул. Наверное, стоило бы попросить убавить звук, но Тимофей не реагировал, да и до Спасского оставалось всего ничего.

Вокруг простирались цветущие поля. Скоро они сменились могучим лесом с высоченными соснами, елями и лиственницами. Аглая тоже немного опустила стекло и вдохнула грядью смолистый аромат. Через минуту закрыла окно, чтобы ненароком не простудить Тимофея.

– Вроде недалеко от города отъехали, а словно в сказку попали, – негромко сказала она. – Какие могучие леса! Дремучие, непроходимые...

– Леса как леса, – пожала плечами Ирина. – Ничего особенного. Вообще, знаешь, – доверительно понизила она голос, – есть у меня план. Я к Кириллу клинья подбиваю, чтобы

он занялся нашим проектом. А там, как знать, может быть, усадьба станет нашим семейным делом?

– То есть все движется к тому, что он сделает тебе предложение?

Ирина прикусила губу, немного подумала и ответила:

– Прежде чем жениться, надо узнать друг друга. Поклонников может быть миллион, а муж – это не только кошелек, это защита и опора. Слава богу, я умею мыслить рационально. Кстати, Кирилл так и сказал, что мир создан для таких женщин, как я – утонченных и прекрасных, достойных самого лучшего! И мужчина должен быть счастлив возможности создать для своей избранницы настоящую сказку.

Аглая вздохнула. Здорово, конечно, начинать семейную жизнь с прекрасной свадьбы, путешествия и прочих замечательных вещей, которых у нее не было. Ведь все стоило средств и немалых, а Борис так горел собственным бизнесом, что вкладывал в него каждую копейку. «Я строю наше будущее, - говорил он, - наследство для наших детей!» Звучало это очень сильно и доходчиво. Поэтому Аглая не сомневалась ни секунды, когда он заикнулся о ее квартире. Нет, она, конечно, позвонила матери, сообщила о своих планах, но у той на все был один ответ: ты взрослая. Если принимаешь решение – неси за него ответственность. Аглая на тот момент не сомневалась в Борисе. К тому же квартира была своего рода ее приданым, и переехала она на жилплощадь будущего мужа. Если бы она знала, что не стоит этого делать до брака! В общем, дурное дело нехитрое.

Главное, чтобы Борис перестал ей угрожать и принял ее условия. Ведь у них сын, и теперь они связаны им навсегда. Ведь не чужие же люди! Пусть лучше спасибо скажет, что она не заявила на него в полицию после того, что он сделал!

Аглая шмыгнула носом.

– Значит, Борис не в курсе, где ты? – уточнила Ирина.

– Нет. Пока я не хочу с ним даже разговаривать!

– Но ведь все равно придется.

– Ир, я в таком состоянии была, что ни о чем другом думать не могла. Он же избил меня, понимаешь?! В этот момент он был абсолютно трезв! Ты бы видела его глаза, Ира! – Аглая не выдержала и расплакалась. – Ну почему это произошло со мной?

– Потому что ты доверчивая и слабая, – не щадя ее чувств, ответила подруга. – И потом, мне кажется, что он не видит в тебе женщину!

– Как это?... – обомлела Аглая.

– Настоящая женщина требует к себе особенного отношения, – ответила Ирина. – И уж точно не ведет себя как тряпка.

– Ну да... – нахмурилась Аглая. – Наверное... Я ведь думала, что у нас семья. А семью надо сохранять во что бы то ни стало.

– Семью – да. А у вас...

– А у нас...

– Ой, ладно, Глаш! – отмахнулась Ирина. – Давай не будем ворошить грязное белье. Если он был трезвый, когда тебя ударил, значит, бывал и пьяным, так? А там, где пьянка, там обязательно другие женщины. Послушай, моя дорогая, не ты первая, не ты последняя. Скажи спасибо, что не убил.

– С-спасибо... – рефлекторно пробормотала Аглая. – Ну ты скажешь тоже...

– Да таких случаев пруд пруди! Только открой криминальные новости и сразу поймешь, что я права. Семейные разборки с летальным исходом – бич современного общества. А что самое ужасное, знаешь?

– Что?

– А то, что полиция относится к этому именно как к обычным разборкам. То есть, пока тебя мутузят, и ты подаешь признаки жизни, никто не приедет. А вот когда станешь трупом, то...

– Ира! – от услышанного у Аглаи вспыхнуло лицо. – Давай поговорим о чем-нибудь другом, хорошо? Мне правда страшно! И не за себя, а за Тимофея. Если бы ты знала, как я переживаю, что позволила ему расти в этих больных отношениях! Все из-за моей нерешительности, ты права! Борис просто вытер об меня ноги, а теперь угрожает забрать Тимошу!

– Ключевое слово – угрожает! Ничего он не сделает, не переживай! Мужчины любят детей любимых женщин, а ты у нас вроде как уже не любимая жена султана Сулеймана.

– Ты не знаешь Бориса. Он может быть очень мстительным.

– Бачили очи что покупали, теперь ешьте, хоть повылазьте! – жестко отрезала Ирина. – Ладно, чего уж теперь. Отдохнете пока, сил наберетесь. Я поспрашиваю насчет адвоката.

– Ирочка, дорогая, мне бы только на ноги встать! А от Бориса мне ничего не нужно!

– Господи, Дроздовская, у тебя спина не чешется? Крылья не режутся еще? А то над головой уже сияние разглядеть можно. Тебе ничего не надо, а сыну твоему надо. И положено!

Аглая сгорбилась, вздохнула и стала смотреть в окно.

– Черт, заболталась я с тобой, поворот проехала! – воскликнула Ирина и резко сдала назад. Автомобиль с ревом проехал несколько метров, и Аглая увидела утрамбованную двухколейку, которая вела вдоль лесной опушки.

– В Спасское есть другой путь, но мы приноровились здесь сворачивать. Летом дорогая сухая, удобная. Экономия времени. Но готовься, немного потрясет! Да что ты насупилась-то? Ой, слушай, поговаривают, что в наших болотах бабка одна живет, настоящая ведьма! Хочешь, найдем ее, и пусть она на твоего Бориса порчу наведет? – звонко расхохоталась Ирина.

Аглая вздрогнула, обернулась, а Тимофей заворочался, наморщил нос и захныкал во сне.

Глава 5

Наконец над холмом блеснул золоченый крест сельской церквушки. Аглая прищурилась и мельком успела разглядеть меж невысоких голубых елей белокаменную стену и узкие темные оконца. Машину тряхнуло на кочке, пришлось вцепиться в подлокотники.

Тимофей закрутился, пытаясь вырваться из оков ремней и несколько раз недовольно пнул по спинке сидения.

– А кто это у нас проснулся? Такой хороший и воспитанный мальчик! – Аглая протянула руку назад и погладила детскую лодыжку. До дома Ирины оставалось всего ничего, так что она не стала просить подругу об остановке. – Тимоша, посмотри, как красиво! – она постаралась отвлечь мальчика, и сама залюбовалась открывшимся видом.

Автомобиль двигался вдоль холма, объезжая церквушку, и казалось, что синее небо накрывает землю, словно купол. Яркое солнце слепило, отчего в носу щекотало и на глазах выступали слезы – как в детстве, когда специально смотришь на него до оранжевых кругов и чувствуешь, как оно проникло в тебя, и теперь ты сам светишься и паришь в воздухе. Не хотелось думать о плохом, хотелось радоваться каждому дню и ловить солнечное тепло ладонями.

Из-под колес вырывались клубы дорожной пыли и оседали на огромных листьях лопухов. Сиреневые головки чертополоха с любопытством выглядывали из высокой травы и будто кивали каждому, кто попадался на их пути.

– Ну вот и приехали! – Ирина посигналила перед деревянным забором, над которым возвышались роскошные кусты сирени с розово-фиолетовыми, белыми и лиловыми кистями, а затем крикнула в окно: – Паша! Помоги с пакетами!

Ворота разъехались, задев ветку, на землю прыснуло розовым дождем из лепестков. Аглая сжала ладони, умиряя волнение, а затем открыла дверь.

– Да у нас гости! Милости просим!

– Привет, Паша! Я купила французскую горчицу, как ты просил. А вот про оливковое масло забыла, – потянувшись, сообщила Ирина.

– Да бог с ним, с маслом!

Павел оказался невысоким, с наметившимся брюшком мужчиной около тридцати. Одет он был по-домашнему: в светлую клетчатую рубашку на выпуск и мешковатые льняные брюки. Образ утомленного летним зноем дачника завершала старенькая соломенная шляпа с облезлыми полями.

– Это Аглая, моя приятельница, – сказала Ирина. – У нее сейчас не самые лучшие времена, – многозначительно добавила она и ушла в дом.

Павел сдернул шляпу с головы, вероятно, желая сделать это как можно элегантнее, но она вырвалась из его рук и повисла на серой бечевке.

– Очень приятно, – он осторожно пожал ладонь Аглаи и чуть задержал ее в своей, скользнув взглядом по ее лицу. А затем присел на корточки перед Тимофеем: – И кто это у нас тут? Здравствуй, молодой человек! – Голос у Павла оказался приятного тембра, мягким и располагающим. И даже заметная картавость ему шла, придавала какую-то законченность его простоватому образу.

Тимофей поморгал длинными, слипшимися ресницами:

– А мы на поезде ехали!

Аглая удивилась смелости сына, обычно он помалкивал, прячась за ее спину.

– На поезде? Это интересно! Очень интересно! – сделав серьезное лицо, кивнул Павел. – И как, понравилось?

– Нет! – Мальчик наморщил нос. – Там пахнет! Я хочу домой! – Насупившись, он выпятил нижнюю губу и прижался к материнскому бедру.

Павел поднял голову и в упор посмотрел на Аглаю своими выпуклыми светло-кариими глазами:

– Я возьму ваши вещи. Проходите в дом, пожалуйста! Располагайтесь!

– Нет-нет, вещей у нас немного и доставать их не надо, – поспешила отказаться Аглая. – Ира сказала, что мы будем жить в усадьбе. Я буду там работать, так что... – она не закончила фразу и склонилась над сыном, скрывая смущение. Вроде сказала правду, а чувствовала себя врунишкой.

– Вот как? Хм... – Павел заметно растерялся. – Работать? Подождите минуточку... – оставив их, он поднялся на крыльцо и сдвинул кружевную занавеску: – Ира! Где ты, Ира? – Обернувшись, повторил: – Минуточку... – А затем тоже скрылся в доме.

Аглая огляделась. Двор был чисто выметен и ухожен. Цветущие клумбы радовали глаз. И сам дом выглядел очень уютным, особенно впечатляла большая веранда с длинными шторами из прозрачной органзы. Ветерок колыхал легкую ткань, за которой можно было увидеть крепкий дубовый стол с резными ножками и белую скатерть, на которой стояла ваза с букетом из розовых пионов. Воздух пропитался цветочным ароматом, от которого немного кружилась голова. Стрекотали кузнечики, пели птицы, гудели шмели. Аглая услышала голоса Ирины и Павла, доносившиеся через приоткрытое окно, отошла в сторону и присела на скамеечку в тени сирени.

– Ты хочешь домой? – спросила она у Тимофея, который примостился рядом и теперь болтал ногами, почесывая коленку. – Я все понимаю, ты нервничаешь, потому что не знаешь, зачем мы уехали. Дело в том, что...

– Мама, а мы пойдем на речку? Я хочу купаться! Как в книжке! – заявил мальчик и посмотрел на нее глазами Шрека.

Аглая осеклась. У нее не получалось придумать удобную версию, которую можно было бы преподнести собственному сыну. Более того, ей претила сама мысль о том, чтобы вывалить на ребенка взрослые проблемы. Да, ей необходима поддержка, но пятилетний мальчик для этого совершенно не подходил. Он сам нуждался в ее защите и любви.

Борис был против, чтобы она выходила на работу. Говорил, что ребенку нужна мать, а в саду одни болячки и чужие люди. Аглае и самой хотелось, чтобы сын окреп, поэтому она записала его в бассейн и на занятия к логопеду. Разумеется, все оплачивал Борис, а она отчитывалась за каждый потраченный рубль. И даже если он делал это, чтобы показать ее несостоятельность, главное, что Тимоша научился плавать и выговаривать буквы.

Размышляя обо всем, Аглая все больше убеждалась, что своим побегом только усугубила ситуацию. Возможно, стоило еще немного потерпеть, и тогда... А что, собственно, тогда? – насмешливо возразил внутренний голос. Терпеть, отсиживать в углу, чтобы не попадаться Борису на глаза, одним своим видом вызывая в нем раздражение и агрессию? Рисковать собственным здоровьем и попорченной гордостью? Понятно, что он не оставит ее поступок без внимания и обязательно воспользуется этим, чтобы добить окончательно. От этой мысли Аглае стало мутно. Она запуталась, совершенно запуталась. Ее чувства к Борису умерли, но Тимоша, ее любимый мальчик, был ее жизнью, ее сердцем! Если Борис отнимет его у нее, она не сможет жить. На стороне Бориса деньги и знакомства, он сделает все, чтобы выставить ее в суде никчемной дурочкой. Да что там, он может обвинить ее во всех смертных грехах ради собственной выгоды.

Звонить матери глупо, как, впрочем, и пытаться уехать к ней в Турцию. Для этого требуется согласие Бориса и деньги, которых у нее не было. Даже то небольшое, что у нее было, она откладывала, экономя на себе. Борис перечислял суммы на продукты, а крупные покупки делал сам. А ведь поначалу она воспринимала это совершенно иначе, думала, что таким образом он просто старается облегчить ей жизнь. Облегчил, что скажешь, теперь у нее за душой ничего не осталось.

Послышались шаги. Ирина вышла из дома немного раскрасневшаяся и возбужденная.

– Все, ребята, поехали в усадьбу!

Следом вышел Павел с пакетом яблок, который вручил Тимофею. Склонив голову, он наблюдал, как Аглая с сыном садятся в машину.

– Ира, все-таки это как-то... – начал он.

Ирина открыла багажник и ткнула пальцем в покупки:

– Займись, пожалуйста, продуктами, Паша! Мы с Аглаей уже обо все договорились. Там им будет удобнее, поверь мне. Меньше всего она хочет, чтобы к ней приставали с разными вопросами! – Она посмотрела на Аглаю, явно ожидая поддержки.

– Да-да, – стараясь быть убедительной, заявила Аглая, – я очень хочу жить именно в усадьбе! Всегда мечтала!

Павел развел руками и покачал головой:

– Как скажете... До свидания, Аглая! До свидания, Тимофей! Скоро увидимся!

Аглая коротко кивнула. Смешной этот Павел. Наверное, хороший человек, вон как с Тимошей по-доброму поговорил. Да только все люди хороши, пока их ничем не задеваешь. Что ж, она и не собиралась никого задевать, будет сидеть тихо, как мышка, зализывая свои раны.

– Сначала проедемся по селу, покажу тебе, где тут у нас что. Во флигеле есть посуда, плитка и холодильник. Печка тоже есть, но ночи сейчас теплые, так что топить не надо. Чистое белье, одеяла и подушки найдешь в шкафу, – перечисляла Ирина. – Канализация и туалет. А помыться всегда можете у нас.

– Что я должна буду делать в плане работы? – спросила Аглая и обернулась, проверить сына. Стоя на коленях и прижавшись к окну, Тимофей хрустел яблоком. Детское кресло Ирина оставила во дворе и велела брату отнести его к соседям.

– В доме имеются несколько настенных картин, Пашка хочет сохранить их в качестве декора. Ты посмотри, можно ли что-то сделать.

– А вдруг я не смогу? – напряглась Аглая. – Я же никогда ничего подобного не делала. Ну, кроме как в студенческих экспедициях. Во время учебы мы ездили в Нижегородскую область на раскопки. А в вашей усадьбе все такое старое и ценное.

– Я бы вообще все закрасила, но Павел категорически против! – хмыкнула Ирина. – Говорит, надо сохранить хоть что-то в память о предках.

Аглая подалась вперед, разглядывая улицу. У выкрашенного синей краской одноэтажного здания с вывеской «Продукты» стояла девушка в длинной серой юбке и водолазке. Заметив автомобиль, она проводила его внимательным взглядом и быстро зашагала прочь.

– Кто это? – заинтересованно спросила Аглая. Девушка привлекла ее внимание внешним видом: светлый платочек и длинная коса до пояса.

– А, это Катерина, поповская племянница.

– Красивая.

– Ничего особенного. Но девку жалко.

– Почему?

– А какая у нее радость в жизни? Сирота. В храме поёт.

– Замуж выйдет, детей родит, вот и не будет одинокой.

– Да ты прям специалист по женскому счастью, Глаш! Без обид, конечно, но счастье направо и налево не раздают, вот что я тебе скажу.

– Понятно.

– И что тебе понятно, Дроздовская? Вот, например, Пашка. Он хороший, но самый настоящий тюфяк и тюлень! В детстве за шалости мы с ним от бабушки на пару звездюлей получали, а ведь виноватая всегда была я. Ни разу не сдал, тоже в углу стоял, – сказала Ирина. – А бабушка у нас чудесная была! Крестиком меня учила вышивать и голубцы готовить.

– Мне тоже повезло с бабушкой.

Аглая подумала, что все ее представления об Ирине сейчас рушились, словно карточный домик. А что, собственно, она знала? Голубцы, ну надо же!

– Хорошо, когда семья большая, – грустно вздохнула Аглая.

– Наверное, но мы с Павлом – единственные дети.

Автомобиль сбавил скорость, а затем остановился перед въездом на центральную площадь. Аглая увидела гранитный памятник со звездой и венком из еловых лап и красных гвоздик, а чуть в стороне – ряды длинных деревянных скамеек. Возле них стояли несколько человек, мужчин и женщин, и что-то оживленно обсуждали.

– Похоже, какое-то собрание, – вытянула она шею.

– Точно! Совсем из головы вылетело! У нас тут празднества намечаются в честь Петрова поста.

– Петров пост – это что-то церковное, да?

– Типа того. Посевы закончились, сенокос еще не начался, огурцы еще не поспели, – хмыкнула Ирина. – Надо как-то развлекаться. Культурной жизнью у нас в Спасском Ольга Лаврентьевна занимается. Она заведующей библиотекой работает. Неугомонная баба! Сколько она нам с Павликом нервов испортила и крови выпила, ужас! Настоящий вампир.

– Почему? Что вы ей сделали?

– Из-за усадьбы, почему же еще! Натравила на нас Общество охраны памятников истории и культуры. Только представь, сколько нам пришлось обойти организаций, сколько справок взять и документов перелопатить, чтобы иметь возможность вносить изменения в проект! А ведь у нас даже мысли не было сносить усадьбу! Хотели подкорректировать и сантехнические работы провести, всё! Это само по себе огромных денег стоит, а тут еще проверки всякие. Мы же для села стараемся, но нет, лезет и лезет. Вон, видишь, руками машет? Революционерка, блин!

– Почему революционерка?

– Потому что у нее вместо сердца пламенный мотор.

Аглая прыснула в кулак и стала разглядывать коренастую женщину в темной юбке, белой блузке и накинута на плечи красной косынке. Ольга Лаврентьевна напомнила ей скорее пионервожатую, вокруг которой собрался великовозрастный отряд.

– И как у вас тут все уживается... – задумчиво пробормотала она. – И революционеры, и дворяне, и бабки-колдуньи...

– Это ты еще нашего батюшку Зосиму не видела, – отмахнулась Ирина. – Кстати, можем на службу вместе сходить. Там красиво. Пашка им новый аналой подарил.

– Слушаю я тебя, Ира, и ушам своим не верю! На службу...

– Это у меня от местного воздуха, наверное. Ничего, как бригаду толковую найдем и проект подготовим, упорхну, только меня и видели! – мечтательно сказала Ирина. – Но какая тут природа, Глаша! Ты посмотри на меня, – она повернулась к Аглае и вытянула вперед подбородок. – Видишь? Я тут даже не крашусь, представляешь? От солнца, конечно, прячусь и кремами пользуюсь, но румянец свой, не искусственный! Поживешь здесь, тоже красоткой станешь!

– Да уж, – вздохнула Аглая.

Кожа у нее была тонкая, белая, с россыпью нежно-рыжих веснушек. Правда теперь ее лицо украшала целая палитра от розового до фиолетового. Еще пара дней и прибавятся оттенки желтого.

– Сегодня вечером гуляния начнутся, – как ни в чем ни бывало продолжила Ирина. – Сходим?

– Ну... – Аглая нахмурилась. – Даже не знаю...

– А чего тут знать? Все село соберется, песни петь, плясать. А завтра парад мастеров, все дела.

– Я хочу на парад! – заявил Тимофей.

Мужики начали сколачивать что-то вроде помоста или сцены. Работали дружно, умело – сразу ясно, не в первый раз.

– Ну вот и решили! Сейчас отдохнете с дороги, подкрепитесь, а ближе к вечеру я к вам зайду. Завтра Пашка баню истопит, попаримся с тобой! А сегодня гуляем!

– Только недолго, ладно? У Тимофея режим. Ребенок должен ложиться вовремя.

– Господи, какая же ты, Дроздовская, скучная и пресная! Ляжет твой ребенок вовремя, не переживай! – Ирина нажала на клаксон, огласив округу резким громким звуком, от которого даже у Аглаи заложило уши.

– Здравсьте всем, кого не видела! – хохотнула Ирина и тут же получила поддержку Тимофея:

– Здравсьте! Здравсьте! – попугаем заверещал мальчик.

Стоявшие на площади люди обернулись, а Ольга Лаврентьевна, поджав губы, показала кулак.

Глава 6

В своем воображении Аглая рисовала усадьбу по книгам и альбомам, которые попадались ей во время учебы, но увиденное все равно ее впечатлило. Вокруг царило буйство летних красок, но рядом с домом эти краски становились прозрачнее и тише, будто где-то рядом проходила невидимая черта между прошлым и настоящим.

Казалось, щелкни пальцами, и дом оживет, наполнится голосами, светом и запахами. Подъедет экипаж, из которого выйдет прекрасная дама в шляпе и зацокает каблучками по каменным ступеням.

К основному входу вела лестница, которая расходилась надвое, образуя небольшую площадку. Портик поддерживали четыре обшарпанные колонны, сверху находился довольно внушительный мезонин, а на самой крыше ютилась смотровая башенка с панорамными окнами. Стекол в башенке не было, и птицы свободно влетали и вылетали из-под перекрытий, облюбовав их для своих гнезд.

Усадьба стояла на холме, машину они оставили внизу и поднялись по тропе между цветущих лип.

– Наш дом совсем рядом. Со второго этажа можно увидеть его крышу. Не переживай, никто тебя не побеспокоит, – сказала Ирина.

Они подошли к одноэтажному флигелю, соединенному с усадьбой каменной галереей-коридором. Вход во флигель находился сбоку – возле двери стояла скамейка. Ирина достала ключи, а Аглая прошла чуть вперед, чтобы осмотреть территорию. Тимофей тут же рванул к каменному фонтану, посреди которого возвышалась потемневшая мраморная женская фигура в ниспадающих одеждах и кувшином над головой.

– Удивительно! – воскликнула Аглая. – Здесь все пропитано прошлым. Честно сказать, не думала, что увижу нечто подобное... А какой парк, Ира! Он больше похож на лес!

– Лес совсем близко, – согласилась подруга. – Он подступает, с каждым годом забирая свое. Согласись, есть во всем этом какой-то парадокс. Не все же отдавать на откуп людям? Хотя для нас эта ситуация только в плюс. Когда сделаем ремонт в доме, приведем в порядок и парк. Мы с Павлом прикинули: на втором этаже разместятся пять-шесть номеров. На первом этаже будут большая гостиная, библиотека, столовая и конференц-зал. Можно устраивать выездные совещания и встречи с интересными людьми: с писателями и художниками. И корпоративы. Есть оранжерея, но я не вижу смысла тратить деньги на ее обустройство и содержание, когда вокруг столько природы. Согласись, было бы куда полезнее сделать из нее кинозал.

Аглая провела ладонью по шершавому краю фонтана. Дно покрывала прелая листва, пахнущая одновременно горько и сладко.

Флигель оказался довольно вместительным и состоял из спальни, кабинета, кухоньки и туалета. Аглая была приятно поражена и не стала этого скрывать:

– Ира, это же настоящие хоромы!

– А я что говорила?

– Кто здесь жил раньше? – спросила Аглая, рассматривая полки со старыми книгами, в основном, советскими изданиями с недорогими обложками, тяжелое пресс-папье и бронзовые часы в виде спящего льва.

Ирина замешкалась и, будто нехотя, ответила:

– Наш дед. Это он сделал ремонт и переехал сюда незадолго до того, как... – она распахнула шторы, отчего в воздухе заметались пыльные ворсинки.

Аглая скользнула взглядом выкрашенной белой краской печке и остановила его на высокой кровати с чугунной спинкой.

– Нет, он умер не здесь, – тут же отреагировала Ирина.

– А где? – покосилась на подругу Аглая.

– На улице. С ним случился удар. И давай не будем об этом, хорошо? Дед был не самым приятным человеком. – Ирина обошла печку и указала на неприметную дверь сбоку от нее: – Ключи от главного входа тебе не нужны, потому что ты можешь пройти здесь, – она шелкнула задвижкой. Потянуло сквозняком.

Аглая встала рядом с Ириной. Коридор был довольно узким, с невысоким потолком. Свет из двух окон падал на пол и стены, выпячивая пятна на обшарпанной штукатурке.

– Дивно... Мне кажется, тут самое место для привидений.

– Лично я не видела ни одного, – прошептала Ирина. – А ты веришь, что они существуют?

– Разумеется, нет. Но если я заведу себе парочку таких друзей, то обязательно тебя с ними познакомлю!

– Вот еще! – захлопнула дверь Ирина. – Ты мне лучше список напиши, что тебе требуется. Я в город съезжу, куплю.

– Договорились! Но я все-таки переживаю, что у меня не хватит опыта.

– Я в тебя верю, Дроздовская, потому что видела твои работы.

– Но я же не реставратор, Ира. Понимаешь, в этом деле необходимо...

Вдруг раздался грохот, что-то упало и покатилося.

– Тимоша! – Аглая всплеснула руками и понеслась на кухню.

Тимофей уже сползал со стула, приставленного к покрытому клеенкой столу, на котором находилась электрическая плитка. На полу валялась чугунная крышка от сковородки.

– Мама, я хочу есть!

– Сейчас я что-нибудь приготовлю, милый! Ира, покажи мне скорее, что и как включается! – заметалась по кухне Аглая.

– Да не суетись ты! Смотри, – Ирина открыла дверцу холодильника, – здесь яйца, молоко, йогурты и сметана. В пакете овощи и зелень. Кстати, если увлекаешься огородничеством, снаряжи есть лопата и грабли. Конечно, нужно будет кое-что докупить, но это можно сделать позже. В шкафу чай, кофе, сахар и макароны. А, еще я купила сыр, масло и хлеб. Не забудь достать, – кивнула она на сумку у двери.

– Ирочка, спасибо тебе огромное! – обняла Аглая подругу. – Что бы я без тебя делала!

– Друг познается в беде, а подруга в любви, – Ирина многозначительно выгнула тонкую бровь. – Ладно, вы тут разбирайтесь, отдыхайте, а я пойду. Зайду за вами вечером, как обещала. Хорошо?

– Хорошо!

Когда Ирина ушла, Аглая тут же принялась за дела с таким рвением, словно собиралась прожить здесь всю оставшуюся жизнь. Конечно, не собиралась, но ее сыну должно было быть уютно, спокойно и сытно.

Она сварила овощной суп с лапшой, используя воду из стоявшего на кухне кулера. Вода по трубе из раковины беспрепятственно уходила вниз, но Аглая предположила, что трубы в усадьбе могли сохраниться с тех пор, как она была построена. Поэтому следовало быть аккуратнее, чтобы не дай бог не засорить сток. Она заправила кровать чистым бельем, перед этим внимательно оглядев матрас и подушки. Все было новым – в нижнем ящике комода лежали полиэтиленовые кофры. Уставший после дороги и новых впечатлений Тимофей быстро уснул, и Аглая некоторое время лежала рядом и гладила его по волосам. От пахнущего липами сельского воздуха у нее самой слипались глаза.

Как долго она сможет находиться здесь без страха, что Борис найдет ее и заявит на Тимошу свои права? Что ее ждет? Эти мысли отрезвляли, мучительно вырывая из дремоты.

Аглая не выдержала и встала, поправила одеяло, убедилась, что дыхание сына стало ровным, и проверила входную дверь. Затем направилась к той двери, что вела внутрь усадьбы и остановилась на пороге, не решаясь сделать первый шаг.

«Тимофей крепко спит. Я только посмотрю одним глазком!» – решила она.

Озираясь, Аглая пошла вперед по коридору, пока не оказалась в круглом холле, из которого на второй этаж вела широкая лестница с перилами. Небольшие оконные проемы, затянутые пленкой, пропускали тусклый свет. Пахло пылью и деревом.

Желание Павла и Ирины облагородить это место было понятно: усадьба являлась для них чем-то гораздо большим и значимым, чем обычный деревенский дом. Но сколько же придется вложить в него средств, сил и настоящей любви, чтобы все получилось!

Завороженная открывшимся видом, Аглая вздрогнула, когда услышала, как наверху что-то завозилося, забулькало и заворочалось. Ее пальцы сжались в кулаки, а по спине пробежал неприятный холодок.

– Да что это я? – притопнула она. – Это же... птицы! Это всего лишь птицы!

Она подошла к лестнице и коснулась ссохшихся перил.

Совсем скоро все здесь будет новым – и перила, и обои, и паркет. Останутся лишь стены. И колонны. И уже ничто не будет напоминать ни о прошлых днях, ни о тайнах. Да и нет тут ничего таинственного. Разве что голуби на крыше.

Поднявшись, Аглая коротко выдохнула и отряхнула пыль с ладоней. Перед ней открылась анфилада комнат с центральным холлом, посреди которого образовался солнечный квадрат. Она так живо представила, как когда-то по паркету ходили люди, что почти услышала шелест платьев и звон посуды. Но на самом деле это был шорох птичьих крыльев и звучащий в отдалении колокол в сельской церквушке.

Аглая обошла лестницу и оказалась в круглом парадном зале, где, вероятно, устраивали балы и званые вечера. На противоположной от входа стене размещались такие же затянутые пленкой французские окна. Задрав голову, Аглая внимательно рассмотрела потолок с двумя ржавыми крюками, к которым должны были крепиться люстры. Рисунок потолка и стен был выполнен в «голландской манере», кое-где еще виднелось твореное золото*. Подобную роспись Аглая успела заметить и внизу. У нее даже кончики пальцев защемило, так она соскучилась по художественным кистям и мастихину.

И картины, и лепнина в виде переплетенных веток плюща – вся в желто-рыжих ржавых потеках, кое-где сколотая, относились к началу девятнадцатого века.

Штукатурка отваливалась пластами и горками лежала вдоль стен. Несколько испещренных трещинами зеркал занимали ниши между стилизованными колоннами, зрительно расширяя пространство. Паркет практически сгнил, оставив после себя россыпь опилок и уцелевшие выпуклые островки отсыревшего дерева.

Многие старые дома в те времена строили из кирпича, а кирпич делали из песка и извести. Со временем кирпичная кладка ветшала и практически крошилась в руках. Поэтому несущие конструкции выдерживали лишь самую минимальную нагрузку. Желание Ирины и Павла обустроить усадьбу, сохранив ее аутентичность, неминуемо столкнется с сопротивлением самой усадьбы. Был, конечно, вариант укрепить конструкцию металлическими балками изнутри, но это удовольствие точно не из дешевых. А вот каркас главной лестницы при беглом осмотре оказался гораздо крепче, чем думалось, потому был выполнен из железобетона, что в начале 19 века стало настоящим прорывом в строительстве. Однако Аглаю смущало, что перегородки были из дранки, а следовательно, имели пустоты.

«Мышей только не хватало!» – поежилась она. Грызунов Аглая не любила.

Следовало вернуться, чтобы проверить Тимофея, а заодно и флигель на наличие мышиного помета. И если окажется, что он там есть, то придется что-то решать. Жить в таких условиях с ребенком она не могла. Решительно развернувшись, Аглая сделала шаг в сторону выхода и тут услышала еще один звук. Это были шаги – осторожные, как если бы кто-то пробежал на цыпочках. Конечно, она могла ошибаться, но эта мысль так прочно засела в ее голове, что Аглая засомневалась в том, что в усадьбе она одна.

– Эй! – крикнула она, не особо рассчитывая на ответ. – Здесь есть кто-нибудь?
Обернувшись, она увидела собственное отражение в одном из зеркал.

Главный вход был заперт, так что, если бы кто-то вошел в усадьбу, она бы непременно это поняла. Аглая шла нарочито твердым шагом, будто предупреждая о своих правах любого, кто мог бы оказаться внутри, и все же втайне надеясь, что никого не встретит. Однако стоило поостеречься бродить вот так по дому, ведь она даже не знала, в каком состоянии находятся полы. Не ровен час, провалишься и застрянешь между половиц. И все же Аглая проверила все комнаты, никого не нашла, успокоилась и вернулась во флигель.

Заперев за собой дверь, она некоторое время стояла, прислонившись к ней спиной и успокаивая колотящееся сердце. Тимофей спал, раскинув тоненькие руки, и Аглая проверила углы, стараясь его не разбудить. Ничего не обнаружив, она все же сложила продукты в холодильник, напомнив себе расспросить Ирину о грызунах. Затем прилегла рядом с сыном и закрыла глаза.

Ее моментально сморило, будто накрыло с головой пуховым одеялом. Перед глазами замелькали призрачные образы, в которых Аглая узнавала то Бориса, то Ирину, то молодого военного, уступившего ей свое место в поезде. Она заворочалась, уткнулась в теплое плечико, вдохнула детский запах и наконец затихла.

...Неизвестно, сколько прошло времени. Очнулась она от странного ощущения, словно рядом с ней кто-то стоит, и от этого осознания ее прошибло ужасом от макушки до пальцев ног.

Аглая медленно открыла глаза. Тимофей тихо посапывал, ее рука лежала поперек его живота. Сознание возвращалось с трудом, веки налились тяжестью. Аглая стиснула зубы и прислушалась к царившей вокруг нее тишине, но странное ощущение чужого присутствия не исчезало. Она медленно втянула носом воздух и заставила себя повернуть голову...

* Твореное золото и серебро – краски из порошков золота и серебра, затертые на клеевом связующем. Золотой порошок получали перетиранием сусального золота. В русском и западноевропейском искусстве эти краски появились в XIV веке.

Глава 7

Двинская тайга, 1957г.

В молельной избе было жарко и душно. Толстые бледные свечи горели неярко, шипя и чадая вонючим дымком. От стены до стены толпились люди. Прасковья жалась к тетке Гале и постоянно зевала от нехватки свежего воздуха. Ей хотелось к матери, но та лежала в беспамятстве уже несколько дней, и Прасковья жила в избе вместе с другими женщинами.

Раскрылась дверь, люди расступились, образуя проход. Галина с Прасковьей оказались в плотном кольце чужих тел. Теткины руки обхватили девочку за плечи и притянули ближе. Раздались первые шепотки, которые быстро переросли в монотонный гул:

– Батюшка... батюшка... благослови... милосердствуй!

Прасковья привстала на цыпочки, чтобы хоть что-нибудь разглядеть, но ростом она была мала, да и силенок удержаться не хватало. В животе заурчало, она сглотнула вязкую слюну и тяжело вздохнула. На службу следовало идти натошак, чтобы заслужить благословение. Это раньше ее кормили сразу с утра, а теперь она выросла и наравне со взрослыми должна вкушать пищу только после молебна. Прасковье исполнилось семь, как и белобрысому Лешке, который появился в их общине прошлой осенью. Однажды Прасковья увидела его, когда тащила огромный кабачок с огорода, и остановилась, разглядывая новенького, который растерянно озирался возле поленницы. Но тут появился дядька Федор – подручный отца Дементия.

– Иди, Прасковья, нечего zenки попусту лупить! – пробасил он и погрозил ей пальцем с толстым желтоватым ногтем.

Прасковья подхватила и попытала дальше, испуганно вжимая голову в плечи. Не гоже девке лупить на парня, чашу грехов своих полнить, так учила ее тетка Галина. Но потом, когда вся община собирала на поле картошку, Прасковья снова увидела мальчика.

– Тебя как звать? – перебравшись через несколько межей, присела она рядом с ним и стала складывать мелкие грязные клубни в плетеную из ивняка лохань.

– Леха, - пробурчал он.

– А ты чей?

Он поднял голову и в упор посмотрел на нее, хмуря белесые брови.

– Ничей!

– Так не бывает!

– Бывает, – сквозь зубы процедил он. – Отстань.

Прасковья оглянулась по сторонам, а затем хитро прищурилась:

– А я знаю, кто на болоте живет! Шишимора! Она такая маленькая, и у нее...

– Параскева! – гаркнул голос над ее ухом. – Ах, ты ж окаянная! Кличу ее, она не отзывается! Трется уже рядом с парнем, ты гляди-ка! Все отцу Дементию скажу, так и знай! Как же отмолить-то тебя, несчастную, коли ты уже испорчена! – пока тащила прочь, отчитывала ее тетка Галя. – Вся в мать, прости господи, вся в мать!

Прасковья бычилась, но семенила рядом. Так ведь и тумачок огрести можно было ни за что, ни про что. У тетки рука крепкая, задница потом огнем горит.

Галина затащила Прасковью в избу и велела:

– Поклоны бей да моли слезно, пока не вернусь! На вечерней службе отцу Дементию покаешься! Горе ты мое...

Хлопнула дверь. Поправив сбившийся платочек, Прасковья привычно встала на коленки напротив почти черной иконы. Прошептав молитву, опустила голову, но вместо того, чтобы ткнуться лбом о высокобленный пол, замерла, разглядывая маленького паучка. Он перебирал лапками, метался из стороны в сторону, испугавшись ее тени, и Прасковья выставила перед ним палец в надежде, что он на него взберется.

– Где шишимора живет, знаешь? – спросила она. – Не знаешь? А я знаю...

– Чад своих наперед выставьте, – разнесся по избе голос Дементия.

Прасковью вытянули из толпы, словно по воздуху, и оказалась она перед отцом Дементием вместе с другими подростками. Было их немного, всего пятеро. Галина с другими женщинами говорила, а Прасковья подслушивала, что бог их наказывает, призывая младенцев, потому как родители – грешники и никак не отмолят себе прощение. Что отец Дементий за них тяжелую ношу тащит, расчищает им путь, и следовать за ним надо, во что бы то ни стало.

Уважают отца Дементия, слушаются его, а Прасковье он совсем не нравится. Борода у него длинная, хоть и не старик вовсе, лицо гладкое, а глаза – темные, колючие, пробирающие до самых костей, от его взгляда спрятаться хочется.

Живет Дементий в избе на пригорке, а остальные ниже. Вокруг лес да топь, а у них здесь рай земной во спасение. Так люди говорят. Только какой же это рай, когда все разговоры только о тьме вселенской? И нет радости, все пустое, грех!

А радость есть! На днях корова отелилась – теленок смешной, на ножках еле держится, к матери прислонится и стоит, дрожит, лупит огромными блестящими глазками под длинными ресницами. И молоком пахнет...

К избе, в которой теперь Прасковья с другими женщинами живет, другая изба пристроена – в ней коровы, козы да куры. А еще сеник есть – в него все лето сухое сено сгребают. Если подняться по деревянной, грубо сколоченной лестнице, да посмотреть вниз, кажется, что перед тобой настоящее грозное облако. И пахнет оно так, что голова кружится! Лежать бы и лежать на нем, выискивая в сухой траве синие махровые головки васильков.

Стены в загоне крепкие, чтобы лесной зверь не пробрался. Прасковья помогает Галине кормить и чистить стойла, смотрит, как тетка доит, и переживает, что теленочку молока не хватит.

Бычок в отдельном стойле имеется, за ним особый пригляд нужен. Знает Прасковья, что детки от него родятся.

И петух у них есть – ходит важно, поклевывает кур в красные гребешки, как отец Дементий свою паству за самую малую провинность. Молодые петушки, которые из яиц получаются, подрастают, а потом их забивают. В каждой избе одного оставляют с курами, а лишних-то в суп. Жалко Прасковье их поначалу было, а потом привыкла. У птицы век короткий, пока яйца несет, нужна, а как нет – тоже в приход. Другого-то птица ничего делать не умеет, только зерно клевать, да квохтать.

Галина Прасковье всегда кружку парного молока подносит и стоит, смотрит, как она пьет. Тетка – главная. Она живность блюдет и радуется за нее, руки у нее мозолистые, сильные, на мужские похожи. И детей нет, вот она Прасковью-то и приглядывает, учит всему.

Пробовала Прасковья и пряжу прясть из козьей шерсти. Пальцам щекотно, горячо. Только на одном месте сидеть тошно. Другие бабы и девки между собой общаются, песни поют, а Прасковье скучно, не песенная у нее, видать, душа. Так, послушать разве что.

Сказки-то куда интереснее! Про лес, про шишимору болотную, про лешего или змея-горыныча. Бабка Гмыря уж больно шустра на это дело! И откуда только знает про нечисть лесную? Тетка Галина ругается, говорит, что нет ничего краше господу славить, да разве мало они славят? Только об том и молятся. Нет, тетка говорит, в лесу никаких леших да шишимор!

Как же так, думает Прасковья, нет? Почему же тогда говорят, что дядьку Никодима леший угробил, или вон Славку – скуластую девушку, прихрамывающую на одну ногу, водяной за собой уволок? Да и сама бабка Гмыря посмеивается щербатым ртом, подмигивает Прасковье одним глазом, бормочет:

– Пока всех-то не изведут, не успокоятся! Нечистые они... не настоящие...

Прасковья кивает, вроде как, соглашается. Ведь если не видишь, то значит, и правда, не настоящие! А если увидеть получится? Если в лесу действительно леший бродит? Уж как бы они стены не укрепляли, а кур-то все равно таскает лиса, и за окном по ночам дышит кто-то, скребется в двери. И тихо стонет Галина во сне, крестится, поворачиваясь на другой бок. С другой стороны – бабка Гмыря: ни жива, ни мертва, а Прасковья лежит между ними и все слушает, слушает, слушает...

А утром все сызнова начинается, будто прошлого дня и не было. Может, и не было, приснилось ей, как те дома, улицы и люди, которые вдруг в ее голове возникают непонятно откуда. А еще она помнила, как мать ей цветные палочки подарила и за руку ее держала, водила по листочку:

– Это дерево... А это цветочек... Зеленый, красный... Ты мое солнышко, детонька...

И правда, дерево получилось и цветочек под ним в густой траве...

Было это? Или привиделось?

Думает обо всем этом Прасковья, каждый день себя мыслями изводит. Ей бы с матушкой поговорить, только к ней не пускают. Лежит она в другой избе – на самом краю деревни. Раз в день тетка Галя или какая другая женщина ходят туда, проверяют, кормят. Только Прасковью с собой не берут. Из всех радостей ей только лес да сказки, которые бабка Гмыря рассказывает. Гмыря страшная, одноглазая. Шепчутся бабы, что она в тюрьме сидела да там умом и повредила. Пусть так, думает Прасковья, зато голос у нее будто вода в роднике льется. Глаза закроешь и слушаешь, пока не уснешь, а сны потом снятся что живые картинки...

Книги у них в деревне только у отца Дементия – старые, в темных кожаных переплетах. По ним он сам и читает молитвы разные, а остальные за ним повторяют.

– ... помни кончину твою и во веки не согрешишь... в день всеобщего воскресения обретете свои тела и предстанете суду Божию с печатью дел своих прижизненных...

Прасковья не удержалась и снова зевнула. В спертom от чадающих свечей воздухе кружилась и болела голова, хотелось спать.

Чем еще община живет? Лес рубят, зверя бьют.

Летом, как болота отступают, и земля сухой становится, дядька Федор с другими из деревни уходит. Возвращаются после нескольких седмиц, груженные гвоздями и инструментами. Знают они пути-дороги, по ним и других людей иной раз приводят. Галина говорит, не каждый в их общину достоин войти, то господня милость снизойти должна, а Прасковье интересно, как же так получается? Сам, что ли, бог весть дает, кому из темного царства к ним прибить? Ведь там, за лесом да за болотами истинно темное царство, страшное и бесовское.

Говорит Дементий слова непонятные, от которых стучит в голове железный молоточек. Потом все петь начинают, и Прасковья поет привычное: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе всяческих ради».

А потом дверь открывается. Народ выходит, и она со всеми. Двигутся вокруг молельной избы следом за Дементием.

Галина обхватывает ее ладошку и крепко сжимает.

– Не убоись! – наставляет. – Прости, господи, прегрешения вольные и невольные рабы твоей Софьи...

Прасковья вскинула на нее удивленные глаза. Что это вдруг тетка о ее матери заговорила?

– К матушке пойдем?

– К ней... – По суровому лицу Галины ничего не прочесть.

Сердце Прасковьи забилося радостно. Наконец-то!

... За деревней она увидела гору веток и поленьев. Люди встали по кругу и сызнова принялись молиться. Дементий подходил к каждому и говорил что-то. За то ему кланялись в пояс и целовали руку. Подошел он и к Прасковье. Галина подтолкнула ее в спину, а Прасковья будто

ног своих не чувствовала: споткнулась, едва ли носом в отца Дементия не уперлась. Кафтан на нем серый, вышитая косоворотка с плетеным пояском. Видела она, как тот поясok Татьяна плела прошлым годом. Померла Татьяна, хоть и молодая была, животом долго маялась, а после ребеночка скинула. Об том женщины говорили, когда панихиду ночную творили.

Бог дал, бог и взял.

Прасковья тоже с ними была, а потом уснула. Проснулась на лавке уже, когда Галина ведрами загремела. Встала, да и пошла с ней животину кормить. Живому – живое.

... Что-то говорил ей Дементий, а до нее вдруг доходить стало: не в первый раз она здесь оказалась, знает, что сейчас будет. Подождет батюшка длинную палку, поднесет к сухим веткам, а среди веток тот, кто богу душу отдал. Вот и сейчас... Что за женщина там лежит - высохшая, будто жердь. Волосы длинные, впалые желтые щеки...

– Мама! – крикнула Прасковья и, не помня себя, и рванула к кострищу. Пламя дохнуло ей в лицо, загудело, словно живое, щелкая горящими ветками, и она отпрянула, заваливаясь на землю.

А Дементий удержал, крепко прихватив за плечи.

Прасковья задержалась, завывала, заголосила, а потом будто свет в глазах померк, и она обвисла тряпочкой в мужских руках.

Глава 8

Неизвестно, как бы Аглая отреагировала, если бы увидела кого-то в комнате, ведь она точно помнила, что запирала обе двери. По стенам, словно живые, скользили тени: солнце сместилось, мимо него неслись стайки пушистых облаков. Рамы были деревянные, не пластиковый новодел, дышалось хорошо и сладко, странно, что почудилась какая-то ерунда.

И все же Аглая никак не могла избавиться от липкого ощущения чужого присутствия. Возможно, кто-то заглянул в окно из любопытства, а она сама превратила свое состояние в паранойю? Ведь признаки налицо: волосы на висках и шее стали влажными, дыхание сбилось, и сердце зачастило. Аглая осторожно, чтобы не разбудить сына, приподнялась и оттянула край стоявшей на стуле и еще не разобранный дорожной сумки. Сверху лежала синяя футболка со Спайдерменом, из-под нее торчал красный полосатый шарф Гриффиндора, который бабушка связала ей на десятилетие. Это сейчас можно купить что угодно, а тогда никаких маркетплейсов не было. Собиралась Аглая спешно, нервно, закидывала вещи не особо задумываясь, а получается, взяла самое любимое.

Она прижала ладони к лицу и в образовавшейся темноте еще раз попыталась вспомнить свои ощущения. Ей почудилось, что кто-то подошел к ним так близко, что, кажется, колыхнулся воздух. Но следовало признать: это был страх, что Борис догонит и отберет у нее Тимошу, и именно он заставлял ее вздрагивать от каждого шороха.

– Что же мне делать?

Вся надежда была на Ирину и на хорошего адвоката.

«Ну найдет она его и что дальше? – тут же возразил внутренний голос. – Ты и сама могла бы с легкостью его найти! Вопрос в том, что ему придется платить. А еще доказывать, что ты в состоянии прокормить своего ребенка и предоставить ему жилплощадь не хуже той, что у него была!»

Аглая слезла с кровати и подошла к окну. Сдвинув в сторону занавеску, уперлась взглядом в каменный фонтан. Потекли непрошенные слезы, в горле застрял горький ком. Но она быстро вытерла щеки и посмотрела на Тимофея.

Когда-то ей казалось, что счастье спешит к ней, сметая все на своем пути. И она кинулась ему навстречу, не задумываясь. Но счастье оказалось асфальтоукладочным катком, который раздавил ее вместе с ее романтическими представлениями о жизни.

Тимофей заворочался и снова затих, сложив ладошки под щеку, и сердце Аглаи затрепетало от нахлынувшей горячей волны. Она сделала шаг к кровати, но тут заметила на полу веточку сухоцвета.

– Василек... – разглядывая его, пробормотала она. «Откуда он взялся? Я же подмела пол совсем недавно...»

Ответ нашелся сам собой: скорее всего, цветок выпал из какой-то книги, когда она вытирала полки. Раньше частенько клали растения между страниц.

Аглая поднесла тонкий стебелек с пушистыми синими лепестками к носу и удивленно вдохнула легкий, едва различимый медовый аромат.

– Волошка...

Так называла васильки бабушка. Родом она была из маленькой деревеньки под Житомиром и обладала красивым голосом. Пела ей колыбельные, а потом уж и сама Аглая укладывала под них сына.

– Пригадаю ти волошки... сини квити...** – прошептала она и улыбнулась.

Был у бабули мешочек с сон-травой, который она частенько клала внучке под подушку. Говорила, что трава эта волшебная, разом весь морок прогонит. Вот бы сейчас ту сон-траву...

Аглая покрутила стебелек между пальцами и положила его на подоконник. Выбросить цветок в мусорное ведро у нее не поднялась рука. Ей даже подумалось, что это усадьба преподнесла ей подарок, приняв их с Тимофеем под свою крышу и покровительство. Вздохнув, Аглая ощутила, как тревога потихоньку рассеивается.

Прикрыв дверь в спальню, она набрала в таз воды, простирнула с куском хозяйственного мыла футболку и нижнее белье. Сначала решила развесить вещи в комнате, но потом выглянула на улицу. Замерев, вдохнула нагретый воздух, который пах травой, солнцем и... свободой. Над головой пронеслась резвая стайка птиц. Прикрыв ладонью глаза, Аглая проследила за их полетом. Жизнь продолжается, и это здорово!

На стене у двери она нашла метровую веревку, прикрученную крепкими засаленными узлами к ржавым гвоздям. Аглае пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться и развесить свои нехитрые пожитки. Когда она услышала шаги за спиной, то рефлексивно сдернула бюстгальтер и обернулась, пряча его за спину.

Молодой мужчина шел через заросший сад и смотрел прямо на нее. Он был высок, строен и темноволос. Простая белая футболка обрисовывала крепкие плечи и поджарый торс. Перекинув через плечо удочку – или спиннинг? – Аглая плохо разбиралась в рыболовных снастях, – и придерживая его рукой, в другой он нес небольшое желтое пластиковое ведро, и сочетание брутальности с почти детским ведерком вызвало у Аглаи непроизвольную усмешку.

Для местного молодой человек выглядел слишком по-пижонски в своих светло-голубых, идеально облегающих узкие бедра и длинные ноги джинсах и узконосых, со скошенным каблуком «казаках». Еще бы ковбойскую шляпу нацепил для полноты образа местного шерифа, подумала она.

Он сбавил шаг и прищурился.

Разговор с незнакомым мужчиной в планы Аглаи не входил. Она бы вообще предпочла, чтобы мужчина прошел мимо, и теперь корила себя за то, что так неосторожно задержалась на улице. Надо было сделать вид, что не видит его, или вообще вернуться во флигель. А теперь он беззастенчиво изучает ее лицо, кажется, подозревая в незаконном проникновении.

– Что вы здесь делаете? – он перевел взгляд на раскачивающиеся на ветру розовые трусики.

Аглая тут же сдернула их с веревки, скомкала в кулаке и ответила:

– Живу.

– Живете? – он удивленно вскинул брови. – Seriously?

– А что, собственно... – насторожилась она.

– Нет, ничего такого, просто...

– А раз ничего такого, то до свидания! – отрезала она и открыла дверь.

– А хозяева вообще в курсе? – не отставал он.

Аглая не стала отвечать, юркнула внутрь и прижалась ухом к дверной щели.

– Давай уходи уже, – шепотом приказала она.

И когда услышала удаляющиеся шаги, выдохнула.

Совсем она одичала от своей семейной жизни. А с другой стороны, разве могло быть иначе? Даже когда она впервые поняла, что Борис в грош ее не ставит, то не побежала искать ему замену. Да и не представляла, каково это – броситься с головой в новые отношения: от старых-то скулы сводит и мороз по коже. Есть у нее Тимофей, вот ему она все свое внимание и хочет отдавать, а вся эта любовь-морковь ни к чему хорошему не приводит.

И чего это она взбеленилась... Ну, подумаешь, симпатичный мужчина? И не симпатичный вовсе, а так... Аглая вспыхнула и помотала головой: вот придет же в голову такая ерунда! Это все Иркино влияние.

Проснулся Тимофей. Следовало его чем-то занять, пока не придет Ирина, и Аглая решила вместе с ним обследовать старый парк, а заодно хорошенько рассмотреть усадьбу со всех сторон.

Солнце припекало, но в тени высоких деревьев духота совсем не чувствовалась. Парк оказался большим, и скоро Аглая поняла, что был он высажен в форме звезды: аллеи, пусть и заросшие сейчас высокой травой, имели ровные границы. Когда на их пути возникла обветшавшая беседка, Аглая решительно направилась к ней.

– Мама, это еще один домик? – спросил Тимофей и отпустил ее руку. – Можно я посмотрю?

– Будь рядом, пожалуйста. Видишь, домик совсем старенький.

Она потрогала одну из тонких колонн, которые держали куполообразную крышу.

– Надо же, мрамор!.. – По каменным жилкам, избороздившим желтоватую поверхность, бежали муравьи.

Основание беседки тоже оказалось из цельного куска мрамора. Довольно дорогое убранство парка даже по нынешним временам. Получается, господа Уржумовы обладали приличным достатком, раз могли позволить себе подобную роскошь. И как же удивительно, что за годы волнений, революций и войн эта беседка, как и дом, сохранились. Конечно, время нанесло свои отметины, но человеческие руки способны уничтожить все в гораздо более короткий срок.

Покружив вокруг беседки, Аглая с сыном пошли дальше, выбрав одну из аллей, где дорожка была протоптана лучше. Вероятно, ею пользовались гораздо чаще остальных, и скоро Аглая поняла, почему. Стоило им выйти за границу парка, как перед ними открылся пейзаж, достойный кисти художника. Речная гладь удивительного сине-бирюзового цвета отличалась серебром, и в ней, как в зеркале, отражались белые облака.

В высокой траве росли колокольчики и ромашки. Тимофей нарвал букет и вручил его Аглае, а сам побежал по спуску к реке. Аглая прибавила шагу, стараясь сократить расстояние между ними.

– Тимоша, не спеши! Стой, кому говорю!

Берег был пологим, песчаным, а река широкой, уходящей вправо, где возвышался лес. Водная излучина разделяла то место, где находилась Аглая, с другим берегом, и у нее закрадась мысль, что сделано это было когда-то специально, дабы оградить усадьбу от непрошенных лесных гостей.

«Или от беглых крестьян, обиженных на своих хозяев», – усмехнулась она про себя и обернулась. Смотровая площадка усадьбы виднелась среди верхушек деревьев, что лишь подтвердило ее догадки: место для дома было выбрано правильно: склон почти не чувствовался, а ведь высота холма оказалась приличной. Вся эта земля стоила больших денег, но Ирину с Павлом это не остановило.

Внезапно Аглая услышала детский вскрик и тревожно поискала глазами Тимофея.

– Тимоша! Тим, где ты?!

**«Пригадаю ті волошки, сині квіти» – «Помню те васильки, синие цветы» (народная украинская песня)

Глава 9

Обогнув высокие заросли рогоза и увязая ступнями в песке, охваченная паникой Аглая кинулась вниз к реке.

– Тимофей! – страшным голосом закричала она, моментально представив барахтавшегося в воде сына.

Но уже через несколько метров перед ней предстала совсем иная картина: Тимофей стоял рядом с крепким стариком с загорелым морщинистым лицом и седой бородкой. Мужчина отряхивал песок с его коленок, а мальчик шмыгал носом и кивал, слушая его. Слов было не разобрать, в ушах шумело, перед глазами мелькали темные точки. И все же Аглая успела заметить длинное удилище рядом с матерчатым стулом-раскладушкой.

– Мама, там рыбы! – подпрыгивая на месте, восторженно произнес мальчик.

– Господи... – она согнулась, обхватив себя за талию и пытаясь выровнять дыхание. – Господи, как ты меня напугал! Быстро иди сюда! Что случилось? Почему ты кричал? – зыркнула она на деда.

– Да погоди ты, раскричалась! – ответил тот и бросил на нее негодующий взгляд. – Маленько не рассчитал малец, споткнулся. Нос не разбил. Покажи-ка ладони. Ну, ничего, – старик оттер руки мальчика. – До свадьбы заживет. И вообще, здрасьте, мамаша!

– Здравствуйте! Извините, мы уже уходим! – Она вцепилась в плечи сына, развернула его к себе и быстро провела руками по его голове и груди.

– Да разве ж я вас гоню? – прищурился мужчина. Глубокие морщины вокруг его глаз стали такими черными, будто их нарисовали маркером. А вот сами глаза были невероятного прозрачного голубого цвета. Будто топазы в ювелирном магазине. Аглая даже замерла на секунду. – Ох и голосистая у тебя мамка, малец!

– Вот именно, мы вам тут всю рыбу распугаем! – Она перевернула ладони сына, чтобы проверить на наличие царапин. Интересно, есть ли во флигеле аптечка. Если нет, надо прикупить по крайней мере йод, перекись водорода и парацетамол, на всякий случай. И ведро валерьянки. Нет, лучше два.

– Мама, смотри, рыба меня не боится! – Тимофей выдернул ладошку из ее руки и присел рядом с жестяным ведром, в котором матово блестела чешуей плотва, и потыкал в рыбешку пальцем.

– Да-да, совсем не боится! Пойдем, не будем мешать, – поторопила его Аглая.

– Ну, мам! Я тоже хочу рыбу ловить!

– А вы садитесь рядом, – предложил дед. – Пусть себе поиграется мальчонка. Рыба-то все равно уже ушла.

– Куда ушла? – деловито поинтересовался Тимофей.

– Спать ушла, – охотно пояснил дедок. – Теперича только к ночи очухается. Я уж до дому собирался. Мне на жареху хватит, и коту кой-чего перепадет. А больше-то и не надо! Завтра на утрянку схожу, ежели ветер не поменяется. Глядишь, шуку вытащу.

– Шуку... – Тимофей ахнул и уставился на него сияющими глазами. – Как в сказке?

– Э... – старик почесал бороду и хитро усмехнулся. – Известное дело!

– Мама, я тоже хочу! – заныл Тимофей.

– Ну, во-первых, тебя не приглашали, а во-вторых...

Дедок крикнул и похлопал себя по колену.

– Иди-ка сюда, малец, на вот – держи удочку! Только крепко держи, двумя руками!

Мальчик встал между его ног, и Аглае пришлось смириться с тем, что рыбак полностью занял внимание сына. Она прошла туда-сюда, но потом не выдержала:

– Извините, но нам уже правда пора, потому что...

Дедок помог Тимофею удержать удилище, и, не глядя на нее, ответил:

– Пушай мальчонка порадует, жалко тебе, что ли? Вот ведь бабское воспитание, проходу нет! Так ли, паря?

– Так! – согласился Тимофей и покосился на мать.

По воде расходились круги, громко квакали лягушки, внутри Аглаи просыпалось раздражение.

Она прикусила губу и сложила руки на груди. Ей вовсе не хотелось выглядеть матерью-наседкой. И воспитывать сыночку-корзиночку она не планировала. Вон как ему интересно, да и красота кругом, не надышишься. Сама бы вот так сидела бы и сидела с удочкой. Но когда какой-то совершенно незнакомый человек пытается выставить тебя дурочкой, это реально бесит. Пока она пыталась придумать ответ, старик спросил:

– Тебя как звать-то, красавица?

– За красавицу, конечно, спасибо, – хмыкнула она и, не придумав ничего достойного, опустила на теплый песок.

– Так-ить молодая в любом виде красавица.

Аглая вытянула ноги и стала смотреть на уток, плывущих недалеко от берега. Она надеялась, что сыну скоро надоест держать тяжелую удочку, но он упрямо продолжал следить за поплавком.

– Ты подумай – прирожденный рыбак! – цокнул языком старик. – Меня, кстати, Иваном Петровичем кличут.

– Очень приятно. Меня зовут Аглая, а это мой сын Тимофей.

Дед кивнул и осторожно, чтобы не задеть мальчика, стал складывать в потертую пластиковую коробочку крючки и какие-то маленькие блестящие штуки.

– Ты чья ж будешь, Аглая?

– Я? – она махнула рукой, отгоняя комара. – Я сама по себе. В гости приехала.

– В гости? Это к кому же? Я туточки всех знаю.

Аглая поняла, что легко отделаться от него не получится.

– К Ирине Новиковой.

Иван Петрович вскинул лохматые брови:

– Вон оно чё, к дворянам, значит, нашим?

– Типа того, – не удержалась от улыбки Аглая. – Мы в усадьбе живем.

«Все равно узнает, – подумала она. – Разве в деревне можно что-нибудь скрыть?»

– В усадьбе? Ну и ну! – Иван Петрович развернулся к ней, и Тимофея тут же потянуло вперед под тяжестью удилища. Дед вовремя сориентировался, прихватил мальчика за пояс и взялся за рукоять крепкой рукой. – Вон, значит, как...

– Мне дом понравился. Мы во флигеле живем. На самом деле, я не только в гости, я еще и поработать сюда приехала. Я – художник. – Говорить о себе как о специалисте хоть в чем-то было приятно.

Однако, кажется, на Ивана Петровича ее признание не произвело ровным счетом никакого впечатления. Его кустистые седые брови так и оставались высоко поднятыми, выражая высшую степень удивления самим фактом, что Аглая с ребенком остановилась в усадьбе.

– Дом ей понравился, – пробубнил старик и покачал головой. – Поди ж ты... ну и ну...

– А что с ним не так? – напряглась Аглая.

– Да с ним все так, как и должно быть! Старый дом, понимаешь? С историей! – поднял он вверх узловатый палец. – А в каждой такой истории, сама понимаешь, есть свое привидение.

У Аглаи вытянулось лицо.

– Привидение?... – И тут она заметила блеснувшие в его глазах смешинки. – Да вы меня разыгрываете, Иван Петрович?

– Есть малеха. Уж прости старика, захотелось над тобой шуткануть. А то, вроде, и девка молодая, а лицо – грусть-тоска, словно лимон прожевала, а проглотить забыла.

– Понятно. Тимоша, нам пора. – Аглая поднялась и протянула руку.

– Обиделась, – резюмировал Иван Петрович. – Ладно, не сердчай! Я того привидения не видел, потому тоже не верю. Может, это и не привидение вовсе, а домовый? Одичал там, бедолага, без людей-то!

– Вы опять? Не смешно! – разозлилась Аглая.

Некстати вдруг вспомнилось жутковатое ощущение во время сна. Ее новый знакомый, разумеется, не мог знать об этом, но, заметив ее реакцию на свои слова, наслаждался произведенным эффектом. Есть такие люди, которых хлебом не корми, а дай поизмываться над людьми. Вот и рассказывают всякие небылицы, стараясь напугать.

– Тимофей, мы уходим! – громко повторила она.

– Да погоди ты! Я ж не серьезно! – не сдавался старик.

– Недосуг нам байки слушать. Понимаю, вам скучно. Но, может, еще кто придет, с ним и побеседуете. Тимоша, отцепись от удочки, скажи спасибо и подойди ко мне!

Мальчик отпустил удочку и понуро поплелся к Аглае.

– Вот я дурень, – всплеснул руками старик. – Обидел вас ни за что, ни про что!

– Вы не обидели, просто... просто я не верю во всякую чушь... – Присев на корточки, Аглая стала вытряхивать из сандалий Тимофея попавший в них песок.

– Так ведь и я не верю! Всю жизнь на Дальнем Востоке прослужил, на пенсии сюда переехал, домик купил, – Иван Петрович аккуратно положил удочку на землю. – Уж больно мне вологодская сторонка нравится. А вот истории всякие люблю, особенно, когда они здешних мест касаются. Про усадьбу Уржумовых поговаривают, что...

– И что же? – перебив его, Аглая склонила голову и снисходительно усмехнулась. – Бесплотный дух невинно убиенной крепостной девушки блуждает по усадьбе, не найдя себе покоя? Или молодая дворянская дочка утопилась из-за великой неразделенной любви? А может...

Дед почесал подбородок и присвистнул:

– А говоришь, не интересуешься!

– Я предпочитаю в музеи ходить.

– Ну, тут ты по адресу. Ходила в наш-то уже?

– А здесь есть музей? – удивилась Аглая.

– А то ж! В библиотеке находится. Здесь, понимаешь, тоже культурные люди живут! Не все, правда, из них художники, – хихикнул дед.

Аглая закатила глаза и, подхватив Тимофея на руки, пошлепала обратно к усадьбе.

– Счастливо вам оставаться, Иван Петрович!

– Может, рыбку-то возьмете? Пожарите вечером!

– Нет, спасибо! И за интересную беседу наша вам горячая благодарность! Увижу призрака, передам от вас привет!

– Ты это, ежели чего, приходи! Я тут почитаю каждый день сию! И на ночь-то двери закрывайте поплотнее. Хотя, дух он на то и дух, чтобы сквозь двери-то проходить!

– Да чтоб тебя... – негромко выругалась Аглая, услышав за спиной хриловатый смех. Она поставила сына на ноги и потянула за собой.

– Мама, ты почему ругаешься? – повис на ее руке Тимоша. – Нельзя ругаться!

– Конечно, нельзя. Это я так... вырвалось случайно.

Миновав беседку, Аглая остановилась рядом с кряжистым дубом, чтобы завязать шнурок. С этого места отлично просматривались стены старой усадьбы. От быстрой ходьбы ее дыхание сбилось. Несколько минут она глядела на затянутые пленкой глазницы окон. Тимофей

отыскал длинную кривую ветку и теперь лупил ею по крапиве. Зеленые ошметки полетели в разные стороны, и Аглае пришлось отобрать палку, пообещав сделать из нее удочку.

– Мама, а что такое дух? – Тимофей поднял на нее румяное, чумазое лицо.

– Дух? Это... Сказочное существо. Ты кушать хочешь?

– Хочу! А когда мы пойдем шуку ловить? А можно она у нас будет жить?

– Кто?

– Шука!

– Зачем?

– Чтобы... чтобы желания исполнять! Можно?

– У нас для этого печка есть. Как у Емели, помнишь?

– Да! – Голос мальчика разлетелся звонким эхом по старой аллее, и над их головами взметнулась стая птиц. – И дух еще есть!

– Ну, все, началось, – хлопнула себя по лбу Аглая. Комар загудел между ее пальцами и вырвался на свободу.

Глава 10

Вернувшись во флигель, Аглая оставила входную дверь открытой и даже подперла ее табуреткой, чтобы не захлопнулась. Летний воздух был упоительно свеж, а вот настроение не очень. И чего она на Ивана Петровича взъелась? Нормальный же дядька! И прогулка получилась хорошая. Но нервы, конечно, ни к черту. Одичала совсем.

Зато аппетит у Тимофея прорезался. Съев йогурт с печеньем, он тут же потребовал обещанную удочку. Обещала, значит, сделай! При помощи кухонного ножа Аглая кое-как укоротила ветку и привязала к кончику шпагат, клубок которого нашла на кухонной полке.

Пока Тимофеем «удил» в старом фонтане, Аглая перетрясла половики и помыла холодильник. Ирина сказала, чтобы они чувствовали себя как дома. А что может быть лучше, чем влажная уборка и проветривание? Самое время, чтобы усадьба присмотрелась к ним, а они к ней.

В кабинете нашелся старенький транзистор. Батарейки в нем наверняка давно сдохли, нужно купить новые, чтобы слушать новости или музыку. Бабушка, например, предпочитала именно радио и совсем не смотрела телевизор. Даже сериалы, каждую серию которых любили обмусоливать ее соседки по подъезду. Нет, бабуля предпочитала разгадывать кроссворды и вышивать под театральные радиопостановки. Особо правда не вникала, спросишь – может и не вспомнить, о чем там вообще речь шла. А вот Аглая любила слушать.

Ирина обеспечила их достаточным количеством продуктов, и все же следовало посетить местный магазин, чтобы прикупить что-то для сына. Нужны были игрушки, книжки, раскраски и карандаши, чтобы занять ребенка. И зарядка для телефона была нужна, чтобы сообщить Борису, что с ними все нормально и возвращаться они не намерены. Однако при мысли, чем это все может обернуться, Аглая сникла.

– Да, жизнь – это не сериал, – пробормотала она, глядя на закидывающего "удочку" Тимофея.

Чтобы не думать, Аглая стала чистить картошку, а когда ставила ее варить, услышала от двери вежливое покашливание. Обернувшись, не сдержала улыбки:

– Иван Петрович? Давненько не виделись!

– Так точно! – Старик поставил ведро и огляделся. – Кашеварите?

– А я тоже рыбу ловил! – подбежал Тимофей. – У меня и удочка есть, вот! – он помахал в воздухе веткой.

– Ай-да молодец, боец! – потрепал его по макушке Иван Петрович, и столько в его голосе было теплоты, что Аглая предложила:

– А давайте, я вас чаем напою? Вы же на реке с утра, наверняка проголодались.

– Чаем напоишь? Это я завсегда с удовольствием!

– Есть хлеб, масло и колбаса. Сейчас я руки помою и бутерброды приготовлю. А вы присаживайтесь.

– Долго не задержусь, не переживайте. Мне еще рыбой заниматься, а то по такой жаре протухнет.

– Да, не хотелось бы, чтобы испортилась. Тимоша, ты с нами будешь чай пить?

– Нет, я еще погуляю!

– Только никуда не уходи, понял?

– Понял!

– Хороший мальчишка, – сказал Иван Петрович. – Что же ты, одна его воспитываешь? Отец-то есть?

– Есть, – не стала скрывать Аглая.

Иван Петрович присел за кухонным столом, разгладил ладонями клеенку и снова огляделся.

– Давненько я здесь не был.

Аглая зажгла огонь и поставила чайник на плиту.

– Ира сказала, что здесь давно никто не живет, – сказала она и стала нарезать хлеб.

– Надолго к нам? – осведомился старик.

– Как получится.

Иван Петрович покачал головой, Аглае показалось, что сейчас он начнет расспрашивать о ее жизни во всех подробностях, и ей придется юлить, придумывать что-то. Голова все еще была тяжелой, да и мутило то ли от напряжения, то ли от нехватки сна, то ли еще от чего. Ударилась она затылком тогда неслабо. Любые вопросы, даже самые простые, теперь казались с подвохом. Она будто брела по минному полю, не понимая, в каком месте таится опасность. До этого дня ей бы даже в голову не пришло врать, поэтому сейчас Аглая старалась максимально придерживаться той версии, которую они состряпали вместе с Ириной.

Она внимательно посмотрела на Ивана Петровича. Вот если бы на его месте сидел, к примеру, участковый, а в селе такой наверняка имеется, ей бы пришлось выложить все как есть. И что тогда? Смогла бы она склонить его на свою сторону?

Закипел чайник. Аглая помыла кружки и залила кипятком чайные пакетики.

– Вот сахар, бутерброды. Ой, есть суп, если хотите. Овощная лапша.

– А хочешь, я тебе завтра ухи своейской принесу? – предложил Иван Петрович. – Настоящей! Ты такой никогда не попробовала!

– Откуда вы знаете, что я пробовала, а что нет?

– А у тебя лицо небалованное, – выдал старик и, отломив от хлеба маленький кусочек, отправил его в рот.

Ну, конечно, как она могла забыть о своем лице! Лицо у нее и правда, небалованное. Зато битое.

– Анна Николаевна, царствие ей небесное, вот такая же была. Отходчивая.

– Анна Николаевна? – пропустила мимо ушей его догадку Аглая.

– Новиковых бабка.

– А... понятно.

– Хорошая была женщина. Приятная.

– Мне Ирина рассказывала, что в этом флигеле ее дед жил. Вы его тоже помните?

– Ну еще бы! – крикнул Иван Петрович и огладил бородку. – Разве ж такое забудешь.

– Какое такое? – Аглая присела на краешек стула.

Иван Петрович добавил пару ложек сахара в чай и стал медленно, по часовой стрелке, водить ложкой.

– Да что об этом говорить? Дело прошлое...

– А я страсть как люблю послушать о прошлом! Понимаете, Ира сказала, что он умер не в доме, мне бы не хотелось, чтобы мой сын жил там, где...

– Ладно, – старик уселся поудобнее, – расскажу тебе кое-что, так и быть. Случилось это, значит, по осени, лет восемь тому назад. Сентябрь в том году случился дождливый, но теплый. Грибов страсть сколько повылезало! Белые-то ящиками собирали, да что ящиками, машинами возили! Я уж дом купил, ремонтом занялся. Все сам, своими руками. Дом мой на второй улице, как от центральной площади вниз идти.

Аглая глянула в окно и проверила Тимофея. Мальчик сорвал огромный лопух и пытался насадить его на ветку в виде зонта.

«Надо обязательно купить игрушки...», – подумала она.

– Жена моя болела долго, скончалась. Дети выросли. Вот я сюда и переехал. Дед ихний, Новиковых, Александр Дмитриевич, человек был знающий, образованный, но... О покойни-

ках, конечно, или хорошо, или никак, да только, получается, хорошего было не так уж много. Общались мы не то чтобы близко, как-то помог я ему с проводкой, потому что разбираюсь. Я тут вместо электрика в селе. А сплетни не люблю, так что поверить в то, что о нем рассказывали, изначально не мог.

Аглая повела бровями, потому что именно сплетнями они сейчас и занимались, но любопытство взяло верх. Иван Петрович откашлялся в кулак, а затем вдруг ни с того, ни с сего указал пальцем на ее щеку.

– У тебя откуда эдакое-то украшение?

– А это я об дверь ударилась, – вспыхнула Аглая.

– Об дверь, значит... Ну, тебе виднее, – усмехнулся старик. – Так о чем это я? А, ну вот, значит. Анна Николаевна, супруга его, всю жизнь работала фельдшерницей. А он, как бы тебе сказать, буйный был мужик. Выпить любил, а с тем делом и руки распускал. Пагубная страсть, сама понимаешь. Взял хоть Хемингуэя...

– Я в курсе про Хемингуэя, – кивнула Аглая. Невежливо, конечно, перебивать, но так они до вечера могут просидеть, вспоминая знаменитых алкоголиков. – Так что же с ним случилось, с новиновским дедом? Ира сказала, у него удар был.

– Ага. Нашли его в парке, рядом с фонтаном.

– Да ладно? – ужаснулась Аглая и снова посмотрела в окно. Час от часу не легче. Уж лучше бы не спрашивала!

– Вот так-то, да. Крепкий мужик был. Мог бы еще жить и жить. Но в последние полгода он вообще с катушек съехал, хлебал как не в себя.

Аглая отставила кружку и оперлась подбородком в кулак.

– Я слушаю, слушаю, Иван Петрович! Хотя теперь мне все понятно, водка до добра не доводит.

Старик скептически причмокнул:

– Оно, может, и так! Но есть одна странность... Я ведь про усадьбу тебе не просто так намекал.

– Ой, вот только не надо опять об этом!

– Ты слушай дальше, не перебивай. Пошел я, значит, к нему как-то, хотел на рыбалку пригласить. А он меня и на порог не пустил. Было это, как сейчас помню, за неделю, может, дней за десять до того, как с ним беда приключилась. Я ж как подумал? Будем на речку вместе ходить, балакать об жизни. У него, вишь, библиотека какая? – кивнул он в сторону книжных полок. – С умным-то человеком и поговорить приятно.

Аглая кивнула. Она уже обратила внимание на библиотеку, которая без должного внимания и ухода покрылась пылью. Чтобы привести все в порядок, ей придется потратить еще уйму времени, чтобы протереть каждый том.

– Ты видела, внизу у реки место хорошее, а дорога-то, почитай, мимо усадьбы идет, – продолжал Иван Петрович. – У самой деревни река измелъчала. А здесь все как я люблю. Ну, стало быть, сунулся я к нему, все чин чинарем: пол-литра прихватил и батон сырокопченки. А он дверь открыл, смотрит на меня и спрашивает, чего, мол, надо? Ты зачем нам мешаешь? Я извинился. Говорю, прости, мол, великодушно, хотел наладить, так сказать, добрососедские отношения. Ежели что, могу в другой раз зайти. Он на меня зыркнул исподлобья-то и говорит: не приходи, *она* против будет. – Иван Петрович выгнул рот скобкой, выпятив подбородок.

– Что же в этом удивительного?

– Поперся я, значит, восвояси, – не обращая внимания на ее реплику, продолжил старик. – А когда мимо окон-то шел, возьми да глянь!

Аглая посмотрела на окно, а потом на Ивана Петровича.

– Стоит он посреди комнаты и разговаривает с кем-то, – негромко сказал тот. – Я стороной отклонился, чтобы посмотреть, что за новая хозяйка у него появилась при живой-то жене...

Аглая прикусила губу. Слушать рассказы про чужие измены было неприятно. Очень неприятно.

– А в комнате-то никого и нет, кроме него! – заявил старик.

– Погодите, я что-то совсем запуталась, – Аглая потеряла виски. – Может, вам показалось? Ну а потом, люди иногда говорят вслух. Особенно, когда одиноки... – она коротко вздохнула. Сколько времени она говорила сама с собой, пытаясь ответить на вопрос, как докатилась до такой жизни.

– Да ведь я тоже так поначалу подумал, – тем временем рассуждал Иван Петрович. – Но гляжу, он руками машет, будто кому-то что-то объясняет. Я поближе подошел и за окошком-то встал. И опять никого не увидел.

– М-да, история, конечно, странная, – согласилась Аглая. – И поучительная. Алкоголь – зло. От него белая горячка случается.

Старик крикнул и хлопнул себя по колену.

– А усадьба-то здесь при чем? – усмехнулась Аглая.

– Вот мы и пришли к основному. Поговаривают, что фонтан этот не просто так появился. Что у одного из молодых барчуков зазноба была, Марьей звали. Любил он ее сильно, только жениться не мог. Она из бедных была. Он, конечно, погоревал, но род нужно было продолжать, поэтому выбрал себе жену по рангу и сословию.

– Высокие отношения, – развела руками Аглая.

– Да погоди ты с выводами! Он и фонтан-то поставил, чтобы, значит, она всегда перед глазами была. А жена его вскорости зачахла. Я хоть и военный человек, в потустороннее не верю, однако ж... – Иван Петрович пожевал губами. – Говорят, сгнобила ее прежняя зазноба. Прокляла, значит.

– Ясно, что-то подобное я и предполагала. Все это, конечно, интересно, но не доказуемо. И вам, как человеку военному, должно быть стыдно, что вы всякие рассказы за правду принимаете.

– Но ведь, скажи, романтично? – хихикнул дед.

– Очень! Фонтан красивый, его отмыть и отполировать надо. И девушка хорошо сохранилась. Только это копия одной из скульптур Павла Соколова. Был такой скульптор в девятнадцатом веке. Его девушка с кувшином установлена в Екатерининском парке Царского села.

– Ого, да ты знаток! Ладно, Аглаюшка, больше мне тебя удивить нечем, пойду я. Рыбу, значит, брать отказываешься? – поднял он с пола ведро.

– Откажусь, Иван Петрович. Не до рыбы пока.

– Не надо ль подсобить чем по хозяйству?

– Спасибо вам огромное, пока сама справляюсь.

– Сама так сама. Ты, главное, ничего не бойся!

– Вашими молитвами.

– А я ж тебе главного в этой истории не сказал! – остановился старик. – Я когда у окна стоял, слышал, как Новиков ее по имени назвал.

– Кого?

– Ну, ту, с кем он разговаривал.

Солнце опустилось, спряталось в кронах дубов и кленов, озаряя все вокруг золотисто-розовым цветом. Аглая прищурилась, глядя на Ивана Петровича. Старик сделал хитрое лицо и, выдержав паузу, с подвыванием произнес:

– Ма-арьюшка...

– Ну, все, с вас уха, Иван Петрович, – погрозила ему пальцем Аглая. – И шука. Фаршированная! За вредность!

Старик рассмеялся в голос. Когда он ушел, Аглая вернулась в дом. Выключила картошку и замотала кастрюлю полотенцем. День выдался богатым и на погоду, и на разговоры. А ведь

еще не вечер. Скоро придет Ирина, будет звать ее на гулянья. Снизу, из-под холма уже слышались переливы гармошки.

Она зашла в спальню, чтобы закрыть форточку. Повернулась к кровати и замерла: василек, который она сама оставила на подоконнике в кабинете, теперь лежал на подушке.

– Ну, Тимофей! Когда только успел? – Она отнесла цветок обратно в кабинет и, вытащив томик Есенина, сунула его между страниц.

Глава 11

Двинская тайга, 1964г.

В ту зиму умерла бабка Гмыря. Это она еще пожила. Ей, прошедшей тюрьму, потерявшей почти все зубы и здоровье, самой было смешно, что она все еще "коптит" воздух. Жальче, конечно, младенцев или молодых, но без Гмыри стало как-то особенно тоскливо. Теперь-то уж Прасковья знала, зачем тела сжигают: вокруг непроходимая чаща, в которой зверь дикий водится. По ночам, совсем близко от изб, воют волки. Нужно обороняться от непрошенных гостей, ужель еще за кладбищем следить? И то ужас какой: разроет зверь могилу, как нору, растащит кости. Спаси и помилуй, господи...

И хоть к страшным кострищам Прасковья давно привыкла, а все же старалась правдами и неправдами укрыться, чтоб лишний раз не видеть. После поминальной службы выходила из моленной одной из последних, плелась позади толпы, а потом шмыг в пустую избу, словно голодная мышь. Спрячется под заваленными тряпьем лавками или за печкой и сидит там тихо-тихо, пока все не вернутся. А потом в дела включится, будто так и надо, и никто ей ничего супротив ни разу не сказал.

Расти она не росла, оставалась мелкой и тощей, что ивовая веточка. И еще одна беда с ней приключилась, аккурат с того дня, когда матери не стало, – голос свой Прасковья то ли сорвала, то ли какая другая болячка одолела, но говорить она перестала и потребности в этом более не испытывала. Ее жизнь, расписанная с утра до вечера, не требовала слов. О чем говорить, когда все наперед известно? Вот она – жизнь, а вот – смерть. И разницы между ними никакой.

Ложишься спать и будто проваливаешься в черную болотную жижу. Темнота заползает через уши, ноздри и рот, не заткнешь, не отвертись. Но зато в этой темноте через какое-то время становится легче и спокойнее. Перестаешь слышать лающий кашель и сипящий храп, забываешься тяжелым сном, мечтая однажды не проснуться. Будто бы сон – это смерть. Поначалу страшно, а потом – хорошо...

Но утро все равно наступало: холодное, тоскливое, несущее с собой привычную тоску по чему-то живому и теплему.

Молитва, скудная еда, работа, затем опять молитва.

По зиме вообще труднее жилось. Домашних животных следовало беречь пуще глаза: наступит весна, даст бог, плодиться начнут. Но с каждым годом телят и козлят рождалось все меньше. В общине питались в основном тем, что с огорода. Ибо чревоугодие – большой грех.

Однако в доме отца Дементия было иначе.

Иной раз ветер подует и запахи принесет такие, что дышать забываешь. А нюх у Прасковьи стал отменный, даром что немая.

Но праздники случались.

Мужчины, что при отце Дементии жили, ходили на охоту. А общинные – нет. Старики да подростки оставались на хозяйстве. Раньше Прасковья об этом не задумывалась, а теперь соображает. Ружья-то только у главных. Так вот, если удастся подстрелить кабана или лося, то уж тут радость великая. В ход идет все вплоть до рогов и копыт. На улице мясо хранить нельзя, после разделки куски складывают в подпол, вырубая в мерзлой земле что-то вроде колодца.

Печи топят ближе к вечеру, чтобы хватило на ночь. Утром от дыма болит голова, а изо рта идет пар. Тетка Галина с вечера заваривает в чугунке ягоды сушеной лесной рябины и клюквы, которые они собирали на болотах все летние и осенние месяцы до самых заморозков. Утром настой еще горячий и терпкий, Прасковья перекачивает на языке мелкие косточки, пытаясь их раскусить. От кисловатого вкуса смешно сводит скулы. Странно, но именно это смиряет ее с наступлением утра.

Отец Дементий постоянно говорит о грядущем конце света, и просыпаясь, Прасковья первым делом прислушивается, страхась открыть глаза. Но потом приходит осознание, что если она слышит и чувствует, то значит, еще жива, и мир вокруг жив. Об этом воют зимние ветра и плачет весенняя капель.

Об этом бьется сердце, когда Прасковья видит Алешку.

Он вытянулся, над верхней губой уже пробивался темный пушок. Сила в нем появилась. Глянешь, как дрова рубит, сама вспотеешь. Однажды принес он ей белку. Глазки у нее что бусинки! И ушки чудные... Пока Прасковья решала, где ее поселит, Галина убила белку и освежевала, оставив лишь беличий хвост. Прасковья проплакала за избой до темени и теперь прятала хвост на шее под тулупом. Грел он ее и забыть о теткиной жестокости не давал.

Бывает, сидит Прасковья, плетет из соломы куклу, а потом глянет на Галину так тяжело, что самой становится жутко от черных мыслей.

Есть она тогда похлебку из белки не стала, вышла из-за стола и опять на полати залезла. А никто и не спросил, чего это она вдруг заартачилась. Не хочешь, другим больше достанется.

Она уже не помнила, когда в последний раз к ним в общину пришел кто-то новый. Но даже те, кто был с ней рядом несколько лет, порой исчезали одним днем. Вот был человек, и нет его. Не болел, не помер, а просто... исчез! Прасковья знаками попыталась об этом у тетки выведать, а та на нее замахнулась и прошипела, словно змея, что каждого, кто от веры отступил, лютая смерть за порогом дожидается. Вот и думай, гадай... А что гадать: шишимора болотная утащила или леший. Разве ж можно одному в их лесах-болотах блуждать?

Тогда Прасковья долго думала о том страшном мире, из которого они с матерью бежали. И почему здесь, рядом с отцом Дементием ни света, ни тепла не чувствуется...

... – Давай ведро, сам понесу, – сказал ей Лешка, когда случилось им вместе за водой идти.

Одной бабе нельзя: мало ли, зверь какой увяжется, или под лед провалится бедовая? Обычно по двое и ходили, а тут Лешка мимо шел, вызвался. А Прасковья так обрадовалась, что аж подпрыгнула. Хорошо, тетка не видела. Огрела бы ее коромыслом-то.

День выдался морозный, солнечный. Снег искрился и переливался серебром и самоцветами. Помнится, были у Галины серьги такие, блестящие! Сняла их тетка, потому как грех. А куда дела, неведомо. Неужели, выкинула? Жалко...

Прасковья обернулась, глянув на темнеющие в морозном воздухе темные крыши: дымок столбом в небо вьется только над избой Дементия.

– Холодно тебе? – Ресницы и волосы под шапкой у Лешки подернулись инеем.

Прасковья вытащила ладонь из рукавицы и дотронулась до его щеки. И сразу стало так щекотно и жарко, словно огоньки по телу побежали.

– Красивая ты, Прасковья, – вдруг сказал он.

А она будто того и ждала! Красивая, ой...

– Завтра на охоту пойду. Отец разрешил.

«Да как же? Один, что ли?!» – Прасковья ткнула пальцем в сторону заснеженной чащи, выпучила глаза и покачала головой.

Алешка усмехнулся, глянул на нее с вызовом:

– Может, и кабана завалю!

Она показала указательный палец и вопросительно нахмурилась.

– Боишься за меня? Не бойся, справлюсь!

Она опять замотала головой, схватила его за рукав. Идти в одиночку на дикого кабана?! Да он с ума сошел! А ежели что случится?

– Жалеешь? – удивленно пробормотал он. – Глупая, бабья жалость только силы отнимает. Прасковья топнула и отвернулась обиженно.

– Да ладно, не один я буду. Кто ж на кабана в одну харю двинется? Но спасибо тебе, что беспокоишься. Хорошая ты, Прасковья. Отец сказал, что ружье в собственность даст, потому как я ему верой и правдой служу.

Она замерла, недоверчиво посмотрела. Да что же он говорит?

Ох, гореть ей в адском пламени за свои чувства! Неужели не видит Лешка, как она по нему страдает? Да ведь сказал же: красивая, хорошая...

– Я за водой, – коротко бросил он. – Здесь стой!

Лешка стал спускаться по замерзшим, вырубленным топором ступеням к полынье. За ночь она меньше становилась, а все равно, боязно. Не дай бог опрокинуться – под лед уйдешь... к водяному царю...

Прасковья было за Лешкой потянулась, но осталась, как было велено. Он оглянулся и широко улыбнулся.

Может, сладится у них? – вдруг встрепенулось ее сердце. И опять стало щекотно и жарко. Как от беличьего хвоста...

Глава 12

Аглая услышала нежный переливчатый смех Ирины, когда мыла окно в кабинете. Ей с трудом удалось его открыть, потому что рамы слиплись. Но внутри и снаружи скопилось столько пыли и сухих насекомых, что Аглая была решительно настроена довести дело до победного конца. В ней будто второе дыхание открылось, хотелось всего и сразу. Дома все делалось через силу, потому что как ни старайся, а все равно носом ткнут. Она уже и забыла, что можно петь, когда готовишь, или кружиться со шваброй, представляя себя на балу. Кто-то скажет, глупо, но счастье внутри женщины всегда проявляется в делах. Тогда и еда вкуснее, и дом становится уютнее и теплее, даже если не нашпигован модной техникой и дорогой мебелью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.